

A man and a woman in historical costumes. The woman, on the left, has voluminous reddish-brown hair and is wearing a white lace-trimmed blouse and a dark skirt. The man, on the right, has a beard and is wearing a red vest over a cream-colored shirt. They are positioned in front of a stone wall.

Люсинда
Миллер

ПРОПАДАНКА
в Чудрум - Кам

18+

Люсинда Миллер

Пропаданка в Чуфут-Кале

<https://litres.ru/74445662>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта необычная история случилась со мной в пещерном городе Крыма - Чуфут-Кале. Волею судьбы и сверхъестественной силы я провалилась во временной тоннель и оказалась в прошлом. Меня успели ранить, да и кто? Красавец-военный с небесными глазами! А любую попытку сбежать от него он тут же пресекает, решив что мое место рядом с ним. Но в настоящее меня тянет незнакомец, однажды спасший меня. Как сделать выбор между временами и мужчинами?

Содержание

Пролог.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Люсинда Миллер

Пропаданка в Чуфут-Кале

Пролог.

Место действия происходит в Таврической губернии. В связи с искажением временного пространства, некоторая историческая информация может быть значительно изменена и дополнена автором.

Я ощутила острую, жгучую боль в правом плече, боль настолько сильную, что подкосились ноги и я упала на колени, не в силах сделать глубокий вдох - впускала воздух малыми порциями, сцепив зубы. Рой темных мушек перед глазами застлал обзор, холодным потом окатило спину и на краткий миг мне показалось, все, я умираю, а это пред агональная судорога охватывают моё тело. И свет, что разлился спустя скачок из темноты, надежда на спасение после мрачного глухого тоннеля и есть рай. Выход. Но боль, что пронзила меня спустя несколько секунд быстрого бега раскромсала надежду выжить: со мной творилось что-то не поддающееся логике.

От чего такая боль? Инфаркт? Но почему в правой стороне? И я еще так молода! Дрожащими пальцами прикоснулась к плечу, пытаюсь унять боль. Но ощутила нечто горячее, липкое и в ужасе заверещала, не помня момент, когда успела

пораниться.

В нос ударил запах железа и теплая струйка крови вытекая из раны на плече, расплзлась алым пятном по белому рукаву, орошая траву и подол платья, не оставляя сомнений, что кровь моя и рана настоящая.

Откуда? Чем? О каменный утес, когда падала? Как я не переломала ноги – вопрос.

И тут я услышала нарастающий гул позади себя. Он приближался, словно грузовик-тяжеловоз, работая мощностями, сотрясая землю. Превозмогая боль, опираясь здоровой ладонью о землю, я кое-как нашла в себе силы и медленно обернулась на источник шума, не понимая, где я и что происходит. Но то, что я увидела превысило все мои фантазии: всадники, человек двадцать, одетые в мундиры и на лошадях, скакали галопом мне навстречу, хлеща коней и издавая горловые звуки. Казалось, они не видят меня и через минуту, настигнув, затопчут.

Боль на краткий миг отступила, потонув в большем страхе: где я и кто эти всадники? Я попала на съёмку фильма? В ужасе от происходящего я закричала что было сил и, повернув ногу, присела на пятую точку.

- Помогите! Остановитесь! Остановитесь..., - подняв неповреждённую руку над головой, стала размахивать, пытаясь привлечь внимание.

Кони, мощные и взмыленные, понукаемые всадниками, приблизились, выбивая подковами жухлую траву и песок.

Заржали и встали на дыбы, сдерживаемые под уздцы наездниками-мужчинами, одетыми в камзолы из далекого прошлого.

- Господи Иисусе, Аверьян, ты подстрелил девку! – громко произнёс один из всадников, испуганно поглядев на меня, потом на напарника.

- Вижу, Ярополк, - недовольно скривился стрелок и спрыгнул на землю. – Сам не рад, - и сделал по направлению ко мне два шага.

Что?! Боже, в меня стреляли по-настоящему? И во мне находится пуля? Реальность произошедшего окатила, словно ледяным душем. Меня затрясло, сознание затуманилось, и последнее, что я увидела – перепуганное лицо склоненного надо мной мужчины, перед тем как провалиться во мрак.

Глава 1. Незнакомец

Сентябрь в Крыму – это ещё один месяц лета. Туристы покидали полуостров, позволяя нам, крымчанам наслаждаться без лишней суеты бархатным сезоном: плавать в прогретой морской водичке, нежиться на берегу из мутно-белого кварца и ракушечника под нежными лучами ласкового солнца без риска превратиться в вареного омара.

- Вставай, соня, - пробубнил над ухом Рома и подцепив козырек кепки, заглянул в глаза.

- М-м, мне солнце глаза слепит, - оттолкнула я его ладонь,

приподнимаясь на локтях. – Отстань, дай ещё позагорать.

- Мы ходим в бар, Ксень. Ребята по коктейлю хотят жакнуть. Тебе принести чего-нибудь?

- Рома, ты уже выпил пива. Не пей больше, - я поднялась и села, уравнивая наши лица и напряженно глядя парню в нетрезвые глаза.

- Да брось, детка, все под контролем, - и, мазнув пальцем по носу, выпрямился. – Куплю тебе сорбет. Какой хочешь?

Я недовольно вздохнула. Если Роман уходил в бар с друзьями, то мог зависнуть там до утра, забывая про назначенное свидание. Мы ссорились, потом я его прощала, какое-то время общаясь без эксцессов, но это неизменно повторялось, и я уже готова была распрощаться с ним навсегда. Но обучение в соседствующих институтах и частое пересечение в перерыве между лекциями в ближайшем кафе, а так же общие друзья нас снова сближали.

- Ежевично-манговый, - сказала капризно.

- Ха, если такой будет, детка. Нет, значит клубничный возьму, как ты сама, лакомка, - и, наклонившись, схватил меня за подбородок и грубо поцеловал, напоследок куснув.

- Ц-ц, Ром, ты зверь что ли?! – прижала подушечками пальцев прикушенную губу.

- Клубничный сорбет, - засмеялся и попятился. – Скоро буду. Жди меня, - и, развернувшись, побежал к прибрежному кафе.

Расстроено посмотрев в спину удаляющемуся парню,

поднялась с лежака. Подруги мои тоже ушли в кафе, контролируя своих парней от лишнего возлияния, а меня эта компания тяготила. Обучаясь в институте – я в медицинском, а Рома в педагогическом, в рамках учебного процесса мы находили общие интересы, но отношения с Романом, скорее навязанные и с чисто постельным интересом с его стороны, разочаровывали. Мне хотелось искренности, совпадения вкусов и взглядов, взаимной любви.

Подойдя к кромке воды, я позволила волнам полизать мои стопы. Конечности радостно отозвались на прохладу и я поняла, что сильно перегрелась, пролежав под палящими лучами два часа.

Недолго раздумывая, отойдя на пару метров от края воды и отсчитав "раз, два, три", разбежалась и бросилась в море с криком: "Юху..., а...!" – плюхнулась в волны, погрузившись с головой, рассекая толщу водной глади руками, плыла в глубь моря, пока не заныли мышцы и в легких не закончился воздух.

Вынырнула, отплеываясь. Тело горело от перепада температур, голову студило ветром, в руках легкий тремор, но внутри меня полный восторг, ликование, полет в бездну. Оглянулась и охнула: я заплыла на ограничительные буйки. Вот что творит порой адреналин. Развернувшись, погребла медленно обратно, упав на спину и любясь фигуристыми кучевыми облаками, словно сахарная вата, хаотично разбросанная по небу и кормящая тамошних ангелов.

Вдруг резкая, выкручивающая боль свела судорогой левую икру. Я невольно вскрикнула и забарахталась, чувствуя, что теряю контроль над телом, делая усилия руками, чтобы держаться на воде. Засучила ногами друг о друга, но одна перестала подчиняться, задеревенела и потянула ко дну.

Страх сжал тисками внутренности, посылая сигналы спасения в мозг, и я закричала на сколько позволили легкие:

- Помогите! Я тону! Тону! – захлебываясь криком, испугом и соленой водой.

У берега мельтешили единичные туристы, чайки горлашили над головой, вторя моим крикам, но не принимая участия в помощи и я, уже мысленно прощаясь с жизнью, представляя, как вода разорвет мои легкие, а тело уплывет далеко в море и его даже не предадут земле, начала рыдать, изо всех сил пытаясь выбраться из водной стихии и прибиться на мель. Но волны то толкали вперед, к берегу, то тянули обратно на глубину.

Я выдыхалась, черные мушки перед глазами заполонили обзор, застилая сапфировое небо, все больше затягивая в адовый тоннель, из которого можно выбраться только беспольным ангелом.

И когда я уже обессилела, перестав бороться, смирилась с участью утопленницы, неведомая сила подхватила меня из воды и потянула вперед, туда, где было больше света и воздуха.

Надежда на спасение обрела плоть, с силой вытаскивая к

берегу. И когда я упала на спину и проехала, ощутив кожей царапающий песок, поняла, что спасена.

Дельфин?

- Ты жива? – пророкотал мужской бас над головой.

Не дельфин. Мужчина.

Я сфокусировала взгляд, пытаюсь разглядеть черты спасителя и не смогла: они расплывались, и лишь четкий, уверенный голос, подбадривая, давал надежду, что я не в раю, а еще на земле и жива.

- Да-да, жива, - прохрипела склоненному надо мной мужчине. – Только ног не чувствую.

- Сейчас помассирую и почувствуешь. Побежишь на них, - хохотнул и, схватив лодыжки, поочередно принялся массировать икры и стопы, разгоняя кровь по венам.

Я не протестовала против откровенных ласк, понимая, что незнакомец это делает не с интимным подтекстом, а ради спасения, но отчего-то его нежные растирания и утешающие нашептывания привели меня в смущение. С Ромой я не испытывала подобного, хотя мы встречались больше года.

- Спасибо тебе, мне уже лучше, - пошевелила пальцами стоп и села попой на дно, высвободив ноги из его ладоней и прижимая их руками.

Он сидел в воде, опираясь на колени и держал мои стопы у себя на бёдрах, и эта поза была далека от безвинной, особенно если посмотреть на нас со стороны. Эта мысль меня отрезвила, устыдив.

- Лучше стало? Уже не сводит?

- Да, спасибо. Только больно теперь в икре.

- Пройдет. Главное, я вовремя успел. Шёл мимо, услышал крики. Думал бакланы раскричались, а смотрю за буюм ба-рахтается кто-то. Ну и бросился на помощь.

- Спасибо еще раз, если бы ты не проходил мимо, я бы утонула. Уже прощалась с жизнью, - искренне благодарила парня, заодно и любуясь им. Не только поступком восхища-ясь, но и внешностью. Красивыми чертами лица, словно вы-лепленными скульптором, широкими покатыми плечами и загорелой кожей.

Божечки, о чем я думаю?! Озабоченная нимфоманка. Ед-ва не утонула, а теперь смотрю на парня, как на Бога, готовая преклоняться и выполнять любое его желание.

- Тебя как зовут, нимфа? – насмешливо и ласково спросил мой спасатель. И лучики морщинок разбежались вокруг его глаз.

Я не могла определить их цвета – он сидел спиной к солн-цу, но они светились теплом и участием. Доверившись, на-звала имя.

- А тебя?

- Андриан.

- Андриан..., - словно в молитве повторила имя. – Ты мой спаситель. Я жизнью обязана!

- Да, брось. Я спас бы любого, - ответил парень с улыбкой и, поднявшись с колен, протянул руку. – Идти-то сможешь?

Пробуй.

Я неуклюже поднялась и выпрямилась, игнорируя руку Андриана. Испытала неловкость, что наше знакомство произошло не столь романтично и мой внешний вид: затравленный, со спутанными волосами, с распухшим носом и красными глазами вряд ли располагал к симпатии парня.

- Ксения! – послышался окрик Романа и я испуганно обернулась. – Что произошло? Кто этот кент?

Рома, рассерженный и готовый вступить в драку, спешил нам навстречу, разрушив своим появлением чудесное мгновение притяжения с незнакомцем.

Глава 2. Чуфут-Кале.

Рома, не поняв, что произошло, набросился с кулаками на Андриана, решив, что незнакомец меня домогался. Но Андриан, ловко увернувшись, вывернул его запястье и заблокировал удар. Выяснив отношения без кровопролития, они нехотя извинились друг перед другом и разошлись.

Мне было стыдно вдвойне: за свой вид и за неблагодарного парня. Роман так и не понял, что мне угрожала смертельная опасность. То ли в меру алкогольного опьянения, то ли в меру эгоизма и недалёковидности.

Я, ещё раз поблагодарив Андриана за спасение, под руку с Ромой ушла к своему лежаку.

Тот день мне запомнился надолго. И незнакомец с кра-

сивым и редким именем Андриан тоже. Я ложилась спать и грезила о нем, представляя, как бы развились наши отношения, не приди в тот момент Рома. Я вообще забыла о нём, готовая раствориться в обаянии спасителя, и, если бы он позвал меня на свидание, не раздумывая согласилась бы.

Но судьба нас развела так же молниеносно как столкнула. Он, подхватив маску с трубкой для ныряния и послав мне на прощание лучезарную улыбку, пошёл дальше вдоль берега. Не забыв еще раз предупредить, чтобы была осторожнее и одна в море не плавала.

Так как Роман учился на историческом факультете и его друг Сашка, по совместительству парень моей подруги Варвары, то они нас уговорили совместить отдых и курсовую работу – посетить пещерные города в окружении Симферополя: Мангуп-Кале, Чуфут-Кале и Эски-Кермен.

Мы выехали из дома, едва забрезжил рассвет. Взяв термоконтейнер с холодными напитками и закусками, имея большое желание устроить пикник у подножия одного из культурных объектов, провести фотосессию и набраться новых, совместных впечатлений.

Варька по дороге пыталась меня насчет спасателя, услышав из уст Ромы в очередной раз напоминание о случае, произошедшем в море. Мы сидели с ней на пассажирском сидении и откровенничали.

- Если он такой ловкий, надо было ему номерок свой дать, Ксюш, - напутствовала Варька, сияя взглядом.

- Как ты себе это представляешь? – недоумённо прошептала подруге и, приложив палец к своим губам, покосилась на водителя. Склонившись к уху, добавила: - Я бы хотела еще раз с ним увидеться и понять, что за ощущения во мне рождаются в его присутствии.

- Сказочно и романтично! – закатила глаза Варя. – Как ты его описываешь, то там точно Бог - сын Посейдона, а не живой парень, - захихикала подружка.

Я щелкнула по носу мечтательницу и откинулась к изголовью. Адриан не выходил из головы уже неделю. Мне бы устыдиться, я вроде как с парнем, не свободная, но совсем не чувствовала угрызений совести. Рома не внушал доверия и не уверена была, что верен был мне, пока мы состояли в отношениях, хотя и клялся в верности, если я начинала подзревать в обратном.

- Девчонки, мы прибыли, - обернулся к нам Сашка и подмигнул. – Сейчас пикничок организуем, на пледе в пещере побарахтаемся, да детка? - произнес с интимным подтекстом, за что Варвара влепила ему подзатыльник и прикрыла ладонью болтливый рот.

Эта пара не уступала друг другу по шалостям, словно брат и сестра и, если честно, они были слишком похожие, чтобы в будущем строить серьёзные отношения.

- Испачкаете мне салон - заставляю драить! – рявкнул Ро-

ман на расшалившуюся парочку.

- Ром, ну Варька первая полезла, что сразу угрозами сыпать, - произнёс заискивающе Сашка. – Варя, - обернулся и приказным тоном сказал: - Рома нас высадит и обратно автостопом или пешкадропом двинемся.

Варя, спрятавшись за меня, показала язык своему парню и средний палец.

- Не достанешь меня! Саня-конопатый, убил дедушку лопатой!

- Ну, держись, Варвар, заберемся в пещеры, месть моя будет беспощадная, - засмеялся довольно Сашка.

И вот так было постоянно.

Мы доехали до подножия крымских гор и, забравшись на максимально возможную высоту, припарковали авто на площадку и пошли покорять Эски-Кермен.

Солнце уже поднялось из-за гор, обещая теплый день. На мне было легкое платье до колен и джинсовая куртка. Мне пришлось её снять и перекинуть на руку. Подхватив легкий рюкзак с продуктами, пошла за ребятами. Парни шли впереди, а мы с подругой следом. Варвара не выпускала из рук смартфон, щедро пополняя в нём фотогалерею.

Византийская крепость впечатляла «главной улицей» города, от которой в разные стороны отходили подземные казематы. А на склонах колыхались одичавшие заросли винограда, что возделывали когда-то горожане. Мы спустились в осадный колодец и побывали в церквях Успения Марии и

Трех всадников.

Мангуп-Кале привлекал не своей древностью, а неописуемой красотой, окружающей его буквально со всех сторон. Возвышаясь как исполин над тремя долинами, он представлял прекрасную площадку для обзора окрестных достопримечательностей. Здесь действительно захватывало дух: на руинах древнего городища, от созерцания этих красот место это казалось самым романтическим и волнующим на всей планете!

Из трех пещерных городов Чуфут-Кале впечатлил больше остальных. Настоящий город, в котором жили постоянно люди, занимались хозяйством, решали административные проблемы.

Мы сделали привал перед тем, как завершить последний бросок по лабиринтам древнего города. Разложили закуски на импровизированном столике – одном из каменных глыб с плоской поверхностью. Спрятавшись от солнца в тени деревьев, мы перекусили бутербродами и холодным, мятным чаем. Я сидела рядом с Ромой, привалившись к его плечу спиной и прикрыв глаза, представляла, что позади меня находится парень с редким именем Адриан. Он стал моим навядением и, не смотря на то, что я ничего о нем не знала, кроме имени и благородного поступка, все мое существо тянулось к нему, как цветок к источнику света. Вторая половина меня стыдилась этих мыслей в присутствии своего парня, который как я чувствовала подозрительно на меня смотрел.

Покончив с обедом и немного отдохнув, мы снова отправились в путь. Забравшись в одну из пещер, с удивлением обнаружили несколько тоннелей, убегающими вглубь горы.

Я и Рома остались наедине, выбрав один тоннель, а Саша и Варя другой.

- Ксения, ты мне поможешь с рефератом. Поэтому смотри внимательно, подмечай все петроглифы, записывай пиктограммы и делай много-много фото.

- Почему это звучит как приказ? – возмутилась я, не желая его исполнять.

- Потому! – набычился Роман, уперевшись ладонью в скальный выступ. – Я все еще зол на тебя за любезности со спасателем и требую компенсации.

- Ты сам виноват, Ром, что бросил меня. И потом я могла нахлебаться воды и даже утонуть и если бы не этот парень...

- Ничего ты не утонула бы, не мели чушь! – прервал меня Роман, нависнув, и процедил в губы: - Ты моя! А я ревниво отношусь к своей собственности, запомни это, детка.

- Я не твоя и ничья собственность, Рома, - заявила самоуверенному нахалу. – И мне не нравится, как ты мною манипулируешь, - и, развернувшись к нему спиной, пошла вглубь пещеры, включив фонарик на сотовом.

Хотелось исчезнуть в глубине зловещего тоннеля, лишь бы не видеть злого и недоверчивого взгляда Ромы.

- Стой, Ксения! – приказным тоном окрикнул меня, но я решительно шла вперед, не желая ни минуты оставаться с

ним рядом. - Ты меня достала уже своими капризами, истеричка, - двинулся по пятам, отчитывая и упрекая.

Обидные слова, словно камни отбрасывало в стены. Отражаясь, они гулко отдавались эхом и болью в сердце. Что я делаю рядом с этим парнем?!

Меня тянуло наружу, к другому выходу через лабиринты скальных ходов, будто преодолев узкие коридоры, я выберусь не только из Чуфут-Кале, но и в новую жизнь.

Роман меня нагнал и, схватив за плечо, резко развернул к себе.

- Я тебе сказал: стоять и слушать, что я говорю, - лицо его перекосило от злобы, белки налились кровью, превращая красивое лицо в рыло зловещего монстра.

Он меня порабощал взглядом, пугал. И если я подчинюсь, то окончательно пропаду.

- Пусти меня! – вырвалась и, толкнув его со всей силы в плечо, пустилась бегом прочь.

Сотовый выскользнул из ладоней и, упав на каменный пол глухо застучал. Тьма окутала пространство. На секунду я затормозила, сожалея о потере и снова побежала вперёд, подгоняемая невидимой силой.

Я мчалась по узкому горлу пещеры, к овальному окошку света, в надежде избавиться от давления парня и его самого. Сквозняк из узкого тоннеля нарастал, обдувая холодным потоком воздуха разгорячённую от бега кожу.

И когда до выхода из пещеры оставались считанные мет-

ры, обзор резко закрыла тень. Я вскрикнула от испуга и отскочила в сторону, больно приложившись спиной об острый угол каменного выступа.

Схватила за плечо, потирая ушибленное место и одновременно всматриваясь в темноту. Я чувствовала кожей присутствие чужеродной энергии, будто переступила запретную зону. Рома остался где-то там, в невидимых коридорах и мне на миг стало жутко.

- Кто здесь? – громко крикнула, а на самом деле пискнула.
– Кто тут? Рома, это ты? – прохрипела.

- Migrare* - ответила тень властным незнакомым языком и приблизилась.

Разряд тока прокатился волной от кончиков пальцев ног до волос, на миг лишив меня дара речи. Я силилась вздохнуть, но лишь судорожно вибрировала гортанью, забыв о главном инстинкте выживания.

Я вскрикнула, тоненько пискнув, словно испуганная крыса, пытаюсь разглядеть нечто неизвестное рядом.

- Migrare, - повторило оно над головой, отражаясь гулким эхом перед тем, как потонуть в вязкой темноте. И падая в бесконечную бездну, я увидела светящиеся, пронзительные Его глаза – перламутрово-зеленого цвета..., цвета камня “кошачьего глаза”.

Migrare*- с латинского перемещаться.

Кошачий глаз*- имеется в виду горная порода полудра-

гоценных камней.

Глава 3. Аверьян

- Кладите её на повозку, поручик Сташевский.
- Брось еще одну шкуру, Яр, ей и так больно, ещё и рас-
трясёт по пути.
- Что вы так распетушились перед крестьянкой, подума-
ешь ранили в руку. Русские бабы крепкие и не такое выно-
сят.
- Дайте фляжку водки плесну на её рану.

Ко мне понемногу возвращалось сознание и я могла разо-
брать речь мужчин. Один из них держал меня на руках, плот-
но прижимая к груди, но при этом бережно, щадяще. Пла-
тье задралось и под коленями я ощущала колючее сукно его
мундира и часть кожи руки, невольно смутившись от столь
откровенного касания.

- Аверьян, камзол твой весь в крови девчонки, - заметил
рядом стоящий мужчина.
- Ай, пёс с ним, позже вычищу. Тут главное, чтоб барыш-
ня не померла.

Что? Я могу умереть? Не хочу! Мне еще рано! – вопил
мозг и я, дернувшись в чужих руках, распахнула глаза. Боль
тут же пронзила плечо и я застонала.

- Тише, тише, дева, потерпи, - тихо произнес мужчина,
державший меня на руках, и мы встретились с ним взгляда-

ми: на меня смотрели самые голубые глаза на свете – настояренные, удивленные и... знакомые.

Я силилась узнать его, но понимала, что этого мужчину вижу впервые.

- Кто Вы? – спросила охрипшим голосом.

- Тот, кто Вас подстрелил. Нечаянно. Простите, - посмотрел на меня умоляюще.

Все-таки мне не показалось и меня реально ранили. А потом спросила:

- Вы снимаете кино?

- Что такое кино? – задал он глупый вопрос и брови его дёрнулись вверх.

Может не расслышал?

- Ну фильм, эпизод погони...?

- Голову что ли зашибла..., – размышляя произнёс и пожав плечами, бросил на меня сочувствующий взгляд. Потом посмотрел на своих коллег, ища поддержки.

Я повернула голову в сторону рядом стоящих кавалергардов и, натолкнувшись на несколько пар недоумённых глаз, совсем сникла. Они меня принимали за сумасбродную девицу, камикадзе.

- Пустите меня. Отпустите на землю, - заелозила в жилистых руках, ощущая себя крайне неловко в объятиях зрелого мужчины.

- Вы слабы и теряли сознание, лучше я положу Вас в подводу.

- Пожалуйста, - умоляюще прошептала, напрягаясь все больше в окружении мужчин в форме.

Они не были похожи на кого-либо ранее виденных мною людей, но я приказала себе успокоиться. Может потеря сознания шалит с моей памятью и восприятием.

Поручик Сташевский, как называли товарищи моего стрелка, глубоко вздохнув и игнорируя мой протест донес меня до повозки, запряженной двумя лошадьми, и бережно опустил на дно, закинутое овчиной. Я неуклюже оправила здоровой рукой подол платья: в крови и грязный, которое напоминало скорее использованную марлю, чем модный сарафан из жатого хлопка.

- Нате, выпейте, - протянул капитан серебряную в рисунках фляжку и я, сев на попу, несмело приняла её и поднесла к носу. Спирт?

Мужчина, опередив мой вопрос, произнёс:

- Водка. Три глотка и на рану остальное. Вот, возьмите, - протянул мне белый платок. - Приложите к ране.

Пила я только слабый алкоголь и осторожно поднеся фляжку ко рту, не решалась отпить.

- Пей, не отравишься, Аверьян сивуху не пьёт! – подбадривая, рассмеялся второй кавалергард.

Тогда как третий, смотревший на меня с недоверием, неприязненно скривившись, отвернулся и выругался, но я не смогла разобрать каким словом.

Я робко прикоснулась к горлышку серебряной фляжки и

осторожно влила в рот напиток. Спирт обжёг слизистую, вызвав сильное слюноотделение, и я поспешно проглотила её вместе со спиртным, едва не закашлявшись. Слезы брызнули из глаз и я поспешила их утереть тыльной стороной ладони.

Мужчины рассмеялись моей неумелости. Тот, кого звали Аверьян, снисходительно посмотрел на меня и задал вопрос:

- Вас как зовут, дева? Или это тайна?

Смысл мне его скрывать?

- Ксения моё имя, - произнесла по слогам, пристально разглядывая его.

- Ксения... Акси́нья то бишь, - улыбнулся Аверьян и глаза его на миг стали синее ясного неба, а легкие морщинки обозначились на загорелом лице. – Так откуда вы, Акси́нья? Выскочила на поле, как с неба свалилась, - поручик забрал у меня флягу и положил в нагрудный карман.

- Может, Вы от жениха убегали, а мы перехватили? – подсказал второй военный и огладил пальцами короткую бороду, откровенно потешаясь.

Я подумала о Романе и что он остался где-то внутри пещерного города и наверняка ищет меня. Пусть мы и поругались, но не мог же он хладнокровно бросить меня и уйти. Промолчала, понутив голову не решаясь признаться в личном.

- Яр, не смущай девицу. Пусть рана её заживет и она сама расскажет, как попала из неоткуда на пастбища. Поблизости и сёл то нет.

Я прикоснулась к поврежденному плечу, радуясь, что кровь перестала сочиться, и тем не менее рана выглядела ужасно. Мне срочно требовался врач, а эти ребята не спешили отправить меня в больницу.

- А где у вас больница? Далеко? Мне бы поскорее туда попасть, - посмотрела на мужчин умоляюще. – Быть может у вас в штате есть доктор?

Мужчины переглянулись, недоумённо пожав плечами.

Неужели совсем плохи мои дела?

- Госпиталя в Охотничьем нет, только в Ливадии, где стоит наш полк. Но есть небольшой лазарет для раненных и хворых. Сейчас охота завершится и мы поедем. Прилягте пока.

Я, не имея выбора, окинула повозку взглядом: реквизиты выглядели настолько натуралистичными, что я невольно вздрогнула, представив себя в прошлом веке. Так резко захотелось домой, что внутри все сжалось от страха.

- Давайте помогу, - протянул руку Аверьян, коснувшись здорового плеча, и ничуть не смущаясь этого. – Понимаю, тут не очень чисто. Могу взять Вас в седло, - посмотрел в лицо, накрывая мои ноги попоной для лошадей.

- Спасибо. Но я боюсь их, - неуверенно улыбнулась.

- Но как же Вы ездите? – поднял брови Аверьян.

- Общественный транспорт, машина. Да как большинство людей, - ответила легко, чем вызвала недоумение на лице мужчины. – Но с Вами могу попробовать, - поспешила заверить.

Мужчина какое-то время изучал мое лицо, пробежал взглядом по открытому декольте, задержавшись на груди, и я инстинктивно положила на вырез платья ладонь.

- Простите, наверное, у Вас шок от ранения. Я не совсем понимаю о чём Вы толкуете.

Тут его позвал вновь прискакавший солдат и Аверьян, извинившись, отлучился. Я огляделась вокруг: впереди голые холмы: ни домов, ни столбов электропередач или вышек сотовой связи; а там, откуда меня привезли, широкое поле и позади него лес. Зеленый, летний лес, насыщенный листвою. Хотя я точно помнила, что была осень. Сентябрь. Справа разместились еще военные с лошадьми и парой повозок. Мужчины с любопытством поглядывали в мою сторону, курили трубки и папиросы, двое тащили кабана за ноги и мне показалось, что он живой. Ну в смысле настоящий, только убитый.

Неужели ради натурализации сцены актеры забили животное? Охотились по-настоящему? По телу невольно прошла дрожь от мысли: куда же я попала и как так получилось?

Я отняла платок и осмотрела рану: кровь из рваной раны не сочилась и меня это порадовало. А вот боль еще ощущалась, отдавая в плечо и легкой головной болью. Я надеялась, что съёмка закончилась и мы скоро отправимся в город. Или село, мне было все равно куда, лишь бы в цивилизацию, в поликлинику и домой.

Послышался шум, конское ржание и я повернула голову:

со стороны леса скакали еще три всадника, с грохотом отбивая копытами землю и создавая вихры пыли. Спешились недалеко от меня и заговорили с мужчинами, что меня нашли. Я желала лишь ускорить время, глядя на них в упор, а они что-то обсуждали, жестикулировали и лишь пару раз бросили на меня взгляд. Я заелозила, почувствовав, что уже хочу в туалет. Но оглядевшись и не увидев вагончика для справления нужд, занервничала. Если мы еще простоим час, а потом будем ехать какое-то время до села Охотничьего, я точно наделаю лужу в повозку.

Осторожно спустилась с подводы и прыгнула на землю. Лошадь фыркнула, дернувшись, покосилась на меня, но с места не сошла. Я пошла к кучке охотников, отыскать Сташевского и спросить про туалет. Аверьян стоял спиной и моего приближения не видел, и лишь заметив, что его собеседники замолчали, уставившись ему за спину, обернулся.

- Здравствуйте, - улыбнулась новеньким и, смущаясь, посмотрела в лицо Сташевскому. - Простите, что отвлекаю, не подскажите: а где находится туалет?

Мужчины, расценив, что сказанное мною шутка, загоготали, вогнав ещё больше в краску.

- Дык... любой куст..., ну в смысле нет здесь нужника. В поле прям ходим, - откашлялся Аверьян, явно чувствуя неловкость, и при этом губы его дрогнули, едва удерживая смех.

- Так отведи барышню по нужде, поручик Сташевский, -

весело заметил недавно прибывший – жгучий брюнет с бородкой и усиками.

- Хочешь я отконвоирую девицу, - вступил в беседу Ярополк и сделал шаг в мою сторону, щерясь.

Господи! Стыд какой! Незнакомые мужики меня в кусты поведут. Такое только в книге прочитаешь, а тут по-настоящему готово свершиться!

- Нет, нет, - выставила ладони вперёд, пресекая любую помощь. - Я сама справлюсь, только укажите в какую сторону, ну, чтобы меня снова не подстрелили или дрессированное животное не выскочило.

Мужчины смолкли и переглянулись, размышляя, что с мной делать. Чернявый наклонился к поручику и тихо произнёс:

- Сбежать хочет. Ищет повод, Аверьян, - покосился на меня мужчина, заставив отвернуться.

Да. Я хотела сбежать обратно в пещеры, откуда меня вынесло, а не жаться бедрами друг о друга и не ждать медицинскую помощь часами. У меня естественные потребности человека, а эти тупые снайперы то и дело шушукаются, гогочут и курят табак. Кстати, не увидела режиссера и видеооператора, гримера и прочих руководящих лиц на съёмочной площадке. А также женщин. Странно...

- Уговорил, Володя, - ответил собеседнику Аверьян и посмотрел на меня. – Провожу Вас до вон..., - указал скалистый выступ на земле, поросший бурьяном, - тех кустов.

- А мы скоро поедem в... Охотничье?

- Как соберутся все охотники с трофеем. Силки проверяют на глухаря и куропатку. Да и добираться часа два или более будет.

- Ясно, - уныло ответила, сдаваясь. - Я схожу одна, не стоит меня сопровождать.

- Не, барышня, - сказал Ярополк. - Мы за Вас отвечаем. Ежели что случиться, вины не переживем.

Я притаилась в сторонке, пока поручик докурил папиросу и пошла следом за ним, выдерживая дистанцию в пару метров. У меня скопилось десяток вопросов, но я не решалась их задать, шагая по густой траве и выискивая проплешины земли. Голые икры щекотали неспелые колосья диких злаков и ковыля, пахло полынью и лесом. Так странно, учитывая, что поблизости луга город с обилием транспорта и промышленные предприятия.

Пока размышляла, Сташевский довел меня до импровизированного туалета и, немного тушуясь, указал:

- Вот, располагайтесь, - и отвернулся, глядя в даль.

- Вы что, будете стоять и слушать как я писаю?! - вырвалось возмущение и мужчина обернулся, не ожидая от меня такого тона.

- Барышня, Вы либо справляете нужду здесь, либо терпите до лагеря! - разозлился и сделал шаг навстречу. - Если хотите убежать от меня - забудьте. Я быстро бегаю, а учитывая, что подстрелил Вас, в порыве гнева могу выстрелить снова,

- выпалил злобно, маяча стволом ружья перед лицом.

Вот так перемены! Из галантного кавалера в конвоира-надсмотрщика один шаг и он его переступил. Я решила не злить мужчину и, развернувшись, пошла за насыпь.

Может он получил плохую новость? Может ему урезали гонорар или сняли с главной роли за осечку и что подстрелил меня - от того и бесится?

Присела на корточки и, вытянув шею, поглядела поверх заросшего травой холма: не видно ли меня и не подсматривает конвоир?

Мочевой обиделся и не желал выдавать струю в присутствии чужака и мне пришлось насильно опустошить орган, стгорая от стыда. Покончив с интимными делами, выбралась из укрытия и натолкнулась на любопытствующий взгляд мужчины: он рассматривал мои ноги: белые некогда конверсы, ставшие серо-зелеными, икры и выше.

Посмотрел, да и отвернулся, или сделал бы комплимент, но поручик мне задал вопрос, приведший меня в недоумение.

- Вы с кем-то помолвлены, Аксинья? Или у вас нестрогий батюшка, что позволяет дочери разгуливать почти голышом?

- Что? Как это голышом – на мне летний сарафан, который прикрывает ноги до колен, - опустила невольно взгляд убедиться в прежней его длине, - и было жарко днём, я захватила куртку, но она осталась... в пещере..., - голос сдался и осип при виде удивления в голубых глазах.

Сташевский приблизился и неотрывно глядя в лицо, произнес:

- Вы разгуливаете в ночной сорочке среди поля и думаете я поверю, что были одна в Чуфут-кале? Вы ведь там были? – спросил зловеще, посылая по телу волну дрожи.

- Я..., я была там с парнем..., с женихом, - решила соврать на счет статуса Ромы.

- Блудили? – отдернулся и брезгливо скривился.

- Не Ваше дело! – ответила с вызовом. – Ведите уже меня к повозке - я хочу видеть доктора!

Сташевский сощурился, но, ничего не ответив, развернулся и быстро зашагал к временному охотничьему лагерю.

Глава 4. Стыд и страх

Мужчины привезли дичь из леса и сложили в две повозки пойманных животных, некоторые из них уже были мертвые, другие дрыгали конечностями и я содрогнулась от жалости. Я сидела на грубо сколоченном табурете, все больше нервничая в новой обстановке с незнакомыми людьми. Хотелось пить и есть, но просить у поручика гордость и обида на него не позволяла.

- Как себя чувствуете, барышня? – спросил подошедший ко мне Ярополк и я подняла взгляд от мысков кед. Так и хотелось крикнуть: паршиво!

- Терпимо, - ответила устало. – Не найдется ли для меня

стаканчика воды?

- Отчего же не найдётся, хм, фляга целая на второй подводе, - и, повернувшись корпусом, крикнул кому-то: - Степан, принеси раненной воды напиться.

Вновь повернулся ко мне и пристально взгляделся. Я опустила взгляд, не готовая к беседе, но ощущая кожей интерес кавалергарда. Спустя пару минут подошел тот, кого звали Степаном, и протянул мне большую жестяную кружку.

Я удивлено посмотрела на бородатого и седого мужчину в штатском: штаны по типу бананов, зауженных внизу и черную рубаху до середины бедра из грубой ткани. Незнакомец выдавил улыбку и кивнул.

- Спасибо, - я взяла чашу, размером с ковшик и, заглянув внутрь, принялась. Не доверяла я актерам-военным, так тщательно меня оберегающим.

Но инстинкт выживания пересилил и я большими глотками утолила жажду. Не отравят же они меня в конце-то концов. Пока смотрела в дно кружки, пропустила появление нового персонажа: подошёл поручик и недовольно оглядел наш трио.

- Что за хороводы вокруг барышни?

- Пить попросила, Аверьян. Ты чего раздухарился?

Сташевский поглядел на меня сверху и с сарказмом произнес:

- А потом снова по кустам плутать?

Я не ответила на провокацию. Вернув посуду седовла-

сому, поблагодарила и, обхватив себя руками, отвернулась, глядя на высокий утес. К вечеру стало заметно прохладнее.

Слышала возню и разговор за спиной, но пропустила уход двоих. Украдкой взглянула на сапоги, по выправке уже поняв, что Сташевский остался и буравит моё темечко. Зашевелился. А через мгновение на спину легло что-то тёплое, уютное. Я от неожиданности дёрнулась и вскинула голову, встретившись с голубыми глазами поручика.

- Продрогли гляжу. На вот мундир мой, согреет, - и отнял от меня руки.

Я хотела вернуть его вещь и заявить, что мне от него ничего не нужно, но искренняя забота в глазах и тепло, что окутало озябшие плечи, требовали поблагодарить мужчину.

- Спасибо.

Немного еще постояв, глубоко вздохнул и отошел. От его одежды пахло хвойной смолой, табаком и конским потом. Но запах не раздражал, он был новым для меня, загадочным и вызывающий странный внутренний трепет.

В село мы отправились спустя два часа. И ехать мне пришлось на лошади, в седле рядом с моим стрелком, так как две повозки загрузили оружием, силками и добытой дичью.

Поначалу я, шокированная, уставилась на предложение ехать в седле. Но у меня не осталось выбора, кроме как идти пешком, ехать с мертвыми тушками или на лошади. Я не могла показать своих страхов и неумения перед Аверьяном. Но залезть в седло без его помощи мне не удалось. И под все-

общее улюлюканье и подраживание коллег мужчина, подкинув меня под попу, помог забраться в седло. Краска стыда снова залила мне лицо, когда слышались скабрёзные шуточки и пошлости, на которые поручик лишь посмеивался и довольно улыбался.

Спустя пять минут и он оказался на лошади, позади меня. Я максимально отстранилась от мужчины, вцепившись в лук седла. Не знаю чего я больше опасалась: упасть с лошади в момент езды или чтобы грудь незнакомца терлась о мою спину.

От напряжения ныли мышцы, руки дрожали, а пальцы вцепились в космы коня, веря, что в них защита и спасение. Встречный ветер охлаждал неприкрытую грудь, и я постоянно сводила полы мундира.

- Я так Вам противен, что готовы свалиться под копыта коню? – произнес сосед за спиной.

Мы сбавили темп, перейдя на шаг и, отставши от остальных всадников. Аверьян, осмелев, потянулся за своей одеждой. Я с волнением обернулась.

- Снимите его с плеч и проденьте в рукава, - приказал, послав строгий взгляд. – И застегните на верхние пуговицы. Не хватало, чтобы лихорадку подхватили, - приговаривая, помог облачиться в мундир.

Я покорно исполнила приказ, понимая разумность предложения – заболеть не хотелось. А потом поручик, придвинул меня к своему телу и, прижав теснее рукою, приказал

лошади перейти на галоп, держа поводья одной рукой. Я откинулась на сильную грудь и зажмурила глаза, молясь про себя чтобы мы не разбились от быстрой скачки, контролируя лишь дыхание и руку Сташевского, что лежала поперек талии в защитном жесте.

Я не знаю сколько мы ехали, но мне оказалось мучительно долго, а когда он приказал лошади остановиться, я распахнула глаза в надежде, что он доставит меня напрямик в больницу или хотя бы фельдшерский пункт. Но поручик меня сильно удивил: село имело постройки домов прошлого века, одно-двухэтажные здания, дорогу из булыжников и отсутствие столбов электропередач. Навстречу нам ехали люди: мужчины и женщины с детьми на повозках, запряженные лошадьми или несущие на спинах тяжелые мешки и короба. А уличные фонари, низкие и в форме многогранника лампы, не имели между собой проводов - модель прошлого века или более.

Мы заехали в распахнутые ворота гарнизона и, миновав будку пропускного пункта, въехали на широкую площадь. По периметру площади раскинулись одноэтажные прямоугольные корпуса из грубого песчаника вперемешку с деревянными постройками, ухоженные кустарники бузины и остроконечные кипарисы росли вдоль вымощенной брусчаткой тротуара.

- Поразительные декорации!

- Что ты сказала? – пробасил в ухо поручик.

Я и не заметила, что произнесла мысли вслух. Прочистила горло и повторила.

- Декорации чего? – поднял брови мужчина, спешившись, и протянул ко мне руки. – Слезайте, раненная.

Я посмотрела на землю, осознавая, что голова кружится, а ягодицы онемели и не хотят отлипнуть от седла. И вместо того, чтобы принять помощь, я бессильно упала на круп животного, прижавшись к нему грудью.

- Я боюсь!

- До чего же глупая баба, - сказал, точно выплюнул фразу. – Сначала под пули рвется, теперь высоты боится. Слезайте, кому говорю, - и потянул меня за бёдра, второй рукой пытаюсь отодрать пальцы от гривы коня.

Другие военные, заметив нашу борьбу, застыли на месте и уставились на спектакль. Кто-то открыто гоготал, кто-то подбадривал, знакомый голос насмешливо произнес:

- Аверьян, ты что с барышней сотворил? Так ей понравилась, что разлучаться не хочет!

- А вези её прямиком в казарму! Может она из тех, что готова греть постель всякому, кто заплатит, - вдруг предложил тот, кто назвал меня крестьянкой, и я невольно напряглась, подняв голову.

- Да, нам шибко не хватает женщин, - крикнул чернявый. – Я готов дать пару гривенных за ночь! – и, посмотрев на меня, призывно улыбнулся.

- Вукол, ты сначала расспроси имеет ли барышня смотре-

вую книжку, а то будешь потом шишку теревить и к доктору тайно бегать, - подцепил третий, вызвав общий смех.

Столько стыда в один день я не испытывала в своей жизни ни разу. Столько пошлости в свой адрес не слышала и среди такого количества мужчин не была. Страх, липкий и едкий, окатил волной внутренности и снова бьющий набатом вопрос: где я?

- Господа, прекратите смущать девицу. Ей и так от меня досталось, - встал на мою защиту Сташевский и, повернувшись ко мне, еще раз приказал: - Слезайте немедленно, пока Вас офицеры не поделили, ну! - и протянул руку к седлу.

Похоже рядом с голубоглазым было самое спокойное место. Я кое-как высвободила из конской гривы пальцы и распрямила спину. Страх свалиться с лошади уступил другому – оказаться под толпой оглодавших мужиков в мундирах.

Сташевский, придерживая меня за талию, помог выбраться из седла. Даже через плотное сукно я чувствовала силу и тепло его ладоней.

- Спасибо, что помогли, - мельком взглянула в лицо и тут же отвела взгляд, благодаря и за помощь и за защиту перед коллегами.

- Я провожу до лазарета Вас, только коня расседлаю.

Я, все еще растерянная от увиденного и непонимающая происходящего, оглядывалась по сторонам в надежде увидеть знакомое лицо, которое подойдет ко мне и скажет: "Ксюша, поздравляю! Ты попала на развлекательное шоу:

”За стеклом” или съемки сериала “Холоп” и хорошо справилась с ролью”. Но ко мне подошёл поручик и, почтительно поклонившись, указал рукой вперёд:

- Прошу.

Глава 5. Лазарет

Я с удивлением рассматривала внутренний двор, поражаюсь правдоподобности картины прошлого века и восхищаясь талантами декораторов и исполнителей. Одежда и поведение актеров отражали колорит девятнадцатого - начала двадцатого века. Речь и их манеры тоже исполнялись на высшем уровне.

Меня только удивляло, куда они убрали столбы электропередач и как обходились без сотовой связи. Самое главное для чего? Ведь в кадры можно допустить фрагменты без этих деталей.

Следуя по пятам за Сташевским, мы прошли в каменное прямоугольное строение, выкрашенное снаружи побелкой - видимо недавно обновленное. На входе я прочитала табличку с гравировкой: "Лазаретъ", отмечая стиль написания текста, соответствующее тому времени и с опаской зашла в распашные двери.

- Авдотья Никитична, здравствуйте, - обратился поручик к женщине в образе сестры милосердия. - Расстегаев в госпитале?

- Давеча был в операционной, - проскрипела старушка, с любопытством разглядывая меня. – Кто это с Вами, господин Сташевский? Никак невестой обзавелись? – и уголки ее тонких сухих губ дрогнули, а вокруг голубых, пытливых глаз пролегли морщинки и я поняла, что она не так и стара, как мне показалось на первый взгляд.

- Господь с Вами, Авдотья Никитична, какая мне невеста на службе? - возразил стрелок и мельком меня оглядел. – Раненная, осмотреть бы надо..., - произнёс с сожалением и поджал губы.

Признаваться, что это он меня подстрелил, Сташевский явно не торопился.

Медсестра поцокала, поохала, но расспрашивать о подробностях не стала. Пожелав здоровья, пошла прочь по делам, а мы двинулись дальше по коридору, пока не добрались до нужного кабинета.

Сташевский остановился и, постучав в деревянную дверь чисто символически, ту же распахнул ее и заглянул внутрь. Убедившись, что искомый врач на месте, оглянулся на меня и кивком головы пригласил зайти первой.

Я произнесла тихое спасибо и переступила порог просторного помещения. Светлые стены и большие окна до потолка, с деревянными, крашеными рамами пропускали много света в помещение, делая его стерильным. Мужчина в белом хлопковом халате, с залысиной и густыми бакенбардами, оторвался от заполнения бумаг и, подняв взгляд, с лю-

бопытством уставился на нас.

Я тихо поприветствовала доктора и подошла ближе, с интересом разглядывая обстановку врачебного кабинета. Здесь даже шкафчики и кушетки были раритетными, а также грубо сколоченный стол и табуретки вдоль стены. А вместо шариковой ручки врач использовал перьевую, макая ее в чернильницу. И если бы не уверенность в то, что я на съёмочной площадке, не осталось бы сомнений, что я попала в далекое прошлое.

- Иван Иванович, нужна Ваша помощь, - заявил поручик. – Пулевое ранение, - и, осторожно взяв меня за руку, повернул раненной стороной.

Доктор встал из-за стола и направился к нам, на ходу спрашивая как это произошло.

- Вот так дела, Аверьян! – поцокал врач, пристальнее разглядывая рану, а потом поднял взгляд серых, участливых глаз и спросил: – Ну что, голубушка, рассказывайте, как угрозило Вас под пули залететь? Тоже желали фазана подстрелить? – потешался. И не дожидаясь ответа, приобняв за плечи, повел на кушетку.

Объятия доктора несли заботу и тепло, а пахло от него хвойным мылом и спиртом. Я прониклась доверием и расслабилась, уверовав, что попала в надежные руки врача.

Я промолчала, сильно вымотавшись за те несколько часов, что провела в условиях съёмок, и было одно желание: поскорее оказаться дома, а уж потом, завтра подумать, как

произошло мое перемещение за пределы пещеры.

Поручик, тушуясь, рассказал как подстрелил меня, сожалея и не понимая как это могло произойти, ведь он опытный и меткий стрелок, а врач, усадив меня на деревянный стул, рассматривал рану, приговаривая насколько мне повезло. Пройди пуля в пяти миллиметрах ближе, повредила бы кость и артерию.

Потом он велел позвать медсестру и та отвела меня в процедурную комнату, где обмыла рану горячей водой и обработала вонючим раствором антисептика.

- Ну что, барышня, рану шить будем? – заглянул в лицо Иван Иванович. – Рана не опасная, хотя микробы могли попасть и может быть нагноение. Я подержу Вас в госпитале ночь, а на утро поглядим.

- Спасибо, доктор, - я благодарно улыбнулась мужчине, украдкой разглядывая его и пытаюсь распознать за профессиональным гримом известного актера.

Сташевский топтался у порога операционной и на просьбу покинуть помещение, покинул его нехотя, напоследок послав мне сочувствующий взгляд.

Меня поразили инструменты в металлическом лотке, минимальный и самый простой набор пузырьков, кусков марли и отсутствие одноразовых инструментов, в очередной раз восхищая правдоподобности антуража прошлых веков. Но больше всего шокировало, что кожу мнешили без обезболивания, на что я дико заорала и забилась в руках медсестры,

когда хирург мне проколол кожу толстой, изогнутой иглой.

- Вы с ума сошли, на живую шить?! – дёрнулась я, едва не плача, и зашипела на врача. А врач ли он вообще? – Разве нельзя обезболить, а потом проводить манипуляции? – вытаращила глаза на извергов-медиков.

- Чем тебя обезболить, хлороформом, или морфием? – строго произнес врач, явно не ожидая моей бурной реакции.

– Рана поверхностная, выдержишь, - и снова потянулся ко мне с полукруглой иглой. – Женщины от природы выдерживают боль лучше мужчин, перестань кричать.

Я вскочила со стула и прижала плечо ладонью, всем своим видом показывая, что не согласна на подобную экзекуцию.

- Я потерплю до городской больницы. Спасибо, что попытались оказать мне помощь, - и, развернувшись, пошла на выход, но едва взявшись за ручку двери, чуть не упала вперед: с той стороны ее открыл Аверьян и, загородив проход, смотрел на меня испуганными глазами.

- Всё? – спросил он, опустив взгляд на мою рану.

- Нет, не всё! Я не желаю, чтобы меня калечили эти самозванцы, - кивнула головой в сторону мнимого медперсонала. – Будьте добры отвезти меня в нормальную больницу, где мне сделают анестезию и как следуют обработают рану.

- Барышня в истерике, поручик Сташевский, - заявил Расстегаев с места за операционным столиком. – Угмоните ее, иначе я не ручаюсь за последствия ранения.

- Вернитесь к доктору, Аксиныя, - сурово произнёс Аве-

рьян и в его тоне и взгляде сквозила такая аура властности, что я поёжилась и попятилась назад. – Не усиливайте моё чувство вины.

Я поняла, что одна против троих не справлюсь и, поникнув головой, вернулась на кушетку, согласная на кратковременную боль и обещая себе, что подам на них в суд за издевательства. В открытую заявлять не решилась, опасаясь, что мою агонию продлят из вредности.

Поручик на этот раз остался стоять чуть поодаль, не сводя с меня взгляда, полного отчаяния.

Глава 6. Трапеза

После мучительных экспериментов над моим телом доктор наложил марлевую повязку и, пожелав скорейшего выздоровления, распорядился насчет койки-места в госпитале, в соседнем крыле здания.

Плечо, растревоженное манипуляциями доктора, снова заныло и мне не терпелось найти свой рюкзачок и принять обезболивающее, которое я носила на всякий случай. Раз уже на постановочной площадке не оказалось нужных лекарств придется воспользоваться своим запасом.

- Сильно болит? – участливо поинтересовался Сташевский, ведя меня по петляющему узкому коридору к выходу.

- Переживу, - буркнула и почувствовала, что к боли примешивается чувство тошноты. Желудок при мысли о пище

заурчал, выдавая состояние голода. – А где у вас буфет? Или кафе для персонала?

Поручик резко остановился и недоумённо воззрился на меня. Почесав затылок, с сожалением выдал:

- Трактира нет у нас. Это в Ливадии. Мы питаемся в казарме, на кухне. А для больных вроде как отдельная пища, - он извлек из нагрудного кармана камзола часы и оповестил: - Ужин через два часа.

Чёрт! Что еще за трактир? Неужели нельзя выразаться современным языком наедине? Проще вернуться в Бахчисарай, а оттуда до дома рукой подать, чем получить помощь и порцию перекуса.

- А мини-маркет есть поблизости? Я согласна и на фаст-фуд! – с предвкушением облизнулась, представив пышную булочку с котлеткой и листиком салата или сосиску в тесте.

- Что такое мини-маркет? – осторожно переспросил Сташевский, чем полностью меня ввел в тупик и разозлил.

- Прекратите уже играть роль! Мне уже не прикольно! Я хочу есть и готова купить хоть чипсы с сухариками, хоть слойку с конфитюром! – недовольно выпалила и, обогнув мужчину, пошла впереди него, решительно настроенная найти в поселке искомый магазин.

Сташевский следовал за мной, но молчал. Приветствуя лишь встречающихся на пути работников госпиталя, военных коллег на костылях и тех, кто состоит на активной службе.

Мы вышли на вымощенную брусчаткой площадку внутреннего двора и я пристальнее огляделась в поисках атрибутов современности. Может пропустила их от стресса. Но картина ничем не отличилась от той, что я увидела полчаса назад и меня это удручило.

Куда мне идти? В какую сторону бежать? Солнце медленно закатывалось за горизонт, лишая меня надежды на ночевку дома. Я не понимала почему Варя и Роман меня не ищут? Вынужденная принять помощь своего стрелка, оглянулась в его поисках, а, встретившись с ним взглядом, посмотрела с надеждой. Сташевский, заметив мое пристальное внимание, распрощался с очередным любопытным товарищем и пошел мне навстречу.

- Странная вы, барышня, Акси́нья, - начал отповедь. – Головой что ли повредились, покудова падали наземь или притворяетесь умалишенной.

Ничего себе наезд поручика! Я открыла рот от возмущения и обиды, что по вине этого непутевого стрелка оказалась в чужом месте, но тут же закрыла, понимая, что мы не понимаем друг друга, и он мне не поможет найти столовую и тем более выбраться со съёмочной площадки.

- За свое состояние я должна Вас, поручик, поблагодарить! – сказала язвительно. – Еще не известно чем мне обернется полученная рана. Шрам точно останется и мне придется либо татуировку сделать в этом месте, - и демонстративно повела плечом, - либо к пластическому хирургу обратиться.

- Простите еще раз, Аксињья. Не имел намерения погубить такую красавицу, - ответил Сташевский и в его глазах застыло искреннее раскаяние. – Что я могу лично для Вас сделать?

Я отвернулась, сдерживая слезы обиды, и охватила себя за плечи руками в защитном жесте.

- Пожалуйста, верните мой рюкзачок и мы распрощаемся. Спасибо, что отвели меня к врачу. За заботу. Не бойтесь, я не стану подавать на Вас в суд за причинение мне телесных повреждений.

Поручик булькнул, коротко выругался и, схватив меня за руку, потянул на себя.

- Не злитесь на меня и не обижайтесь, Аксињья, я бываю порою резок. Идемте с мной, я Вас накормлю. Сегодня на ужин шулюм из куропатки и зайцы на вертеле. Зря что ли охотились? Степанида и Степан, если не ссорятся, такую вкуснятину готовят, с пальцами проглотишь!

Я насупилась и нерешительно пошла рядом. Его рука была мозолистая, грубая, теплая – ладонь рабочего человека. Ногти коротко стрижены, чистые, но никак не вязались с руками человека, живущего в городской среде и тем более актера. И я в очередной раз поразилась образу присутствующих на съёмочной площадке.

При мысли о жареном мясе, я облизнулась, почуяв в воздухе гарь от костра и аромат трав. Есть хотелось до болезненных спазмов.

- Я словно голодная волчица – согласна на все, - сказала я с жаром и рассмеялась.

- Ну вот и славно, - покосился на меня Сташевский, не выпуская моей руки. - А потом я верну Вам вашу вещь. Она приторочена к луке седла. Я и забыл про сумку.

Он подвел меня к каменному одноэтажному строению и, оставив под деревянным навесом, вошел в здание. На запахи пищи сбежались дворовые собаки, виляя крендельками хвостов и поскуливая, ждали костей и на меня поглядывали без интереса.

Я присела с краю одной скамьи и огляделась: открытое строение было что-то вроде летней кухни: два ряда длинных столов из неотесанного дерева, лавки, покрытые старыми и ткаными коврами, овечьими шкурами или не застелены совсем. В конце прямоугольной беседки стояла каменная печь и в ее зеве на вертеле жарилась тушка зайца или птицы. Я не рассмотрела, быстро повернувшись на шум: несколько человек в штатском вывалились из проёма в низкое здание и с удивлением уставились на меня.

Я стушевалась под пристальным вниманием мужчин. Часть из них были те, что присутствовали на охоте, остальные незнакомые мне лица.

- А что это за барыня у нас? Чья такая красавица? – тщательно разгладил густые усы первый подошедший мужчина, с интересом меня разглядывая.

- Дмитрий, эту птицу Сташевский подстрелил на охоте! –

ответил за меня Ярослав.

- Да, целился в цесарку, а попал в девицу! – подхватил второй.

И мужчины загоготали. Ну, теперь будут ржать долго и пинать за “меткость” сослуживца. Я глуповато улыбнулась, терпеливо выжидая, когда мужчины навеселятся.

Я есть хочу! Но не скажу же им: поторопитесь с ужином, господа актеры! И снимите уже грим. Хочется видеть, куда я попала и кто меня разыграл. Тогда тоже посмеюсь вместе с ними.

- Я – Ксения. Как попала к вам? Сама не поняла, - подала голос и мужчины разом смолкли и прислушались. – Из Бахчисарая. Если вам так важен город.

- Заблудились?! – воскликнул Ярослав, сел на скамью и, облокотившись на столешницу, с удивлением произнес: – Это же далеко от нас..., четыреста верст будет...

Начинается... Я закатила глаза, всё больше раздражаясь на стену непонимания, которая росла и ширилась по мере общения с вояками.

Каких вёрст? Что за архаизм? Так вжились в образы героев, что уже говорят на старорусском. Я промолчала и с завистью оглянулась на жарившееся мясо. Повар уже надрезал кусочки с тушки дичи, пробуя горячее мясо на вкус и с удовольствием мычал.

- Эй, Кузьма, - вскочил Ярослав со скамьи. - А ну сюда давай зайца, дразнишь нас уже который час, - и отправился

к мангалу.

Военных прибавлялось – все потянулись на запахи жареного и на время забыли обо мне. Рослый паренек, бледнолицый, лопоухий и коротко стриженный, вынес стопку железных тарелок и поставил на край стола. Потом из глубоких карманов засаленного фартука достал деревянные ложки и высыпал рядом. Кавалергарды кинулись взять себе столовые приборы и стали рассаживаться за столом.

Столовые приборы..., громко сказано, потому что чашки из металла, местами закопченные и с вмятинами по бокам, и деревянные ложки никак не вязались с современным дизайном посуды.

Неужели даже за кадром актеры проигрывали роли? Видимо, чтобы глубже вжиться в быт прошлого века. Прочувствовать колорит тех лет так сказать.

Моё удивление не укрылось от мужчин и Ярополк, взяв тарелку и ложку, направился ко мне.

Я молча ждала свою порцию горячего ужина, борясь с громким урчанием желудка, стыдясь и одновременно сетуя на актеров. Можно же раздобыть перекус на время ожидания пищи. Так нет: они следовали традициям изображаемого века!

- Аксинья, держите, - поставил передо мной миску. – Вы супа из бобов откусываете? А потом охотничий трофей...

- Я так голодна, что согласна съесть его даже без соли и холодный! – подалась вперед и заявила пылко.

- Ух! Какая барышня! – расплылся в улыбке солдат, плюхаясь на скамью напротив. – Обычно жеманничают, по зернышку клюют – талию берегут, а Вы с аппетитом... и самая така ладна, - обвёл меня горящим, масляным взглядом актер-вояка.

- Ярополк, - рывкнул над головой мужской голос и я от неожиданности вздрогнула. – Перестань глядеть на барышню и заигрывать. Ешь уже!

Ярополк крикнул и махнув головой, пододвинул к себе плетеную корзину и, взяв половинку серого хлеба, надломил. А Сташевский уселся рядом и, развернувшись ко мне лицом, пытливо уставился. В его взгляде читался укор, недоверие и плохо скрываемый интерес ко мне лично. Меня так и подмывало сказать: ну что опять? Чем недоволен поручик?

Он засопел и невысказанное недовольство повисло в воздухе. Подхватив мою пустую тарелку, поднялся и направился к очагу.

Мужчины заполонили пространство вокруг и лишь женский грубый голос, периодически раздающийся изнутри одноэтажного строения, внушал уверенность, что повариха Степанида даст отпор нахальству мужчин и за меня.

Над столом распространился запах свежеприготовленного блюда. Мужчины ели молча, лишь изредка переговариваясь, на меня и прижавшегося сбоку поручика смотрели с интересом. Видимо до тех, кто не присутствовал на охоте, дошли слухи о стрелявшем в девушку и каждый норовил если

не открыто, то намеками, взглядом поинтересоваться о случившемся. Аверьян то и дело отрывался от ужина и в упор смотрел на мой профиль, на то, как я осторожно ем. Я так хотела кушать, что не обращала внимания на качество и чистоту посуды, черпая щербатой ложкой густую похлёбку.

- Заметно, что барышня проголодалась, - произнес Аверьян, потянувшись через стол за ломтем хлеба. – Нравится стряпня нашей Степаниды?

- Очень вкусно. Надо лично поблагодарить ваших поваров, - благодарно улыбнулась Аверьяну.

- Пойду отрежу нам мяса, - и с этими словами перелез через скамью и направился в сторону тлеющего очага.

Мужчины, большинство покончив с первым блюдом, сгруппировались вокруг свежеприготовленного жаркого: один держал вертел вертикально, воткнув острый конец в деревянный спил, другой большим ножом, словно тесаком отрезал куски мяса в тарелки, что подставляли кавалергарды. Про меня они временно забыли и я, утолив первичный голод, понемногу расслабилась. Клонило в сон, рука побаливала и давила повязка. Мне не терпелось добраться до своего рюкзака, достать таблетку анальгина и упасть на кровать. Не важно где: хоть в конюшне, на телеге, лишь бы на время забыться. А проснувшись по утру с радостью обнаружить, что я просто видела дурной сон с попаданием в прошлое.

Глава 7. Ночлег

Как и ожидалось гостиница для участников съёмочной группы не предполагалась и я уже насторожилась, чувствуя, что меня либо тщательно разыгрывают, либо я плавно схожу с ума. Невольно вспомнился фильм "Холоп": ведь герой сюжета тоже верил, что попал в другое время.

После ужина я распрощалась с мужчинами, а на предложение отыскать повариху и поблагодарить за ужин лично, поручик сказал, что он спешит и срочно должен проводить меня до лазарета. Пришлось оставить свои благодарности до утра. В ночь я точно не собиралась выбираться из лагеря и искать дорогу домой. Сташевский по пути заскочил в конюшню и вернул мне рюкзачок. Он задержался взглядом на вышитых орнаментах в отделке и спросил:

- Что это за символы? Скандинавские? Отличная выделка кожи.

Рюкзак из телячьей кожи ручной работы произвел на Сташевского впечатление, но я, порядком уставшая, лишь согласно кивнула ему, не желая вдаваться в подробности производителя и, закинув за спину, побрела в сторону медпункта. Мы зашли в лазарет и, пройдя по уже знакомому мне коридору, свернули в другую сторону. Сташевский распахнул дверь в большую больничную палату и окликнул персонал. Навстречу нам вышел дежуривший медбрат дородной комплекции и больше похожий на дровосека, чем на медика.

- Я тут раненую привел тебе, Гриня. По настоянию Ивана

Ивановича девица направлена на долечивание в лазарет.

Дровосек безэмоционально оглядел меня, вытирая руки ветхим полотенцем и недовольно цыкнув щербатым ртом, произнёс:

- Отдельной палаты нет для женщины. Может, у матери настоятельницы пусть переночует? – оглядел меня с головы до ног.

- Расстегаев сказал в лазарет, значит, побудет здесь. До утра, - ответил с нажимом Аверьян. – А завтра порешаем куда ее.

Сташевский обвел небольшое помещение с десятком ко-
чных мест, большая часть из которых была занята больны-
ми, и вновь посмотрел на санитаря.

– Григорий, хорошенько гляди за барышней и, если мож-
но, отведи место поукромнее, за ширмой.

Я при своей усталости все же нашла силы рассмотреть, что
на кроватях лежат настоящие пациенты. Мужчины. Причем
настолько натурально изображающие болезнь и ранения, что
невольно поёжилась. Неужели это пострадавшие на съемках
актеры? Или они продолжали репетировать сцену даже но-
чью? Но я так вымоталась, что мозг перестал реагировать на
тревожные звоночки и, поблагодарив Сташевского, пошла
следом за великаном Гришей, стараясь не сильно пялиться
на якобы больных.

Мужчина, грузный и немногословный, отыскал для меня
старую ширму, с потертой и местами штопанной парусиной

и указал на место в дальнем углу.

- Вот Ваш ночлег, сударыня, - зыркнул на меня исподлобья, перегораживая часть прохода ею. – Ежели чего надобно, зовите. Я сплю у входа, в коморке.

- Благодарю, Вас, Григорий, - ответила как можно приветливее. – Если можно стакан воды. Я хочу лекарство от головной боли выпить.

- Мигрень мучает? – спросил понимающе. – Не увлекайтесь опиумными настойками – мой вам совет, - и, пожав плечами, побрел обратно.

Это что он имел ввиду?! Какой еще опиум? Наверное, мне послышалось или актер пошутил.

Я устало опустилась на жесткую кровать с металлическим изголовьем и растерянно огляделась. Выбеленные каменные стены, розовели в заходящих лучах солнца, пробивающихся через грязные стекла, лишь наполовину прикрытые льняными шторами. В окнах мелькали мимо проходящие люди: военные и в штатском, занятые своими делами, их голоса доносились в распахнутые форточки и, судя по разговорам, они мне снова показались странными, точно люди не из современного мира.

Какой-то мужчина громко простонал и попросил Григория подать ему воды, а с соседней койки другой больной, скрипнув пружинами, сел на кровати и устремил взгляд в мою сторону.

Мы молча переглянулись и пациент, с любопытством

оглядев меня, усмехнулся и пробормотал что-то невнятное. Потом устало вздохнул и вернулся в исходное положение лёжа.

С одной стороны меня пугал ночлег среди мужчин, с другой у меня не осталось сил, чтобы трезво анализировать происходящее. Я отвернулась спиной к больным и, достав из косметички таблетку анальгина, положила в рот. Вспомнив, что у меня в рюкзаке есть начатая бутылка газированной воды, запила и легла в кровать. В помещении витал слабый запах лекарств и болезней, как в настоящем стационаре, но постель, на которой я расположилась оказалась вполне сносной: чистой и пахнувшей хозяйственным мылом. Под размеренный разговор медбрата и двух мужчин, я незаметно провалилась в глубокий сон. А когда проснулась, то резко распахнула глаза и уставилась в нетёсанные балки потолочных перекладин, тускло подсвечиваемые настенными лампами. Керосиновые? Но сонный мозг не успел выдать четкий анализ изображению, зато слух уловил командный голос мужчины и я окончательно проснулась.

- Где девица, Гриша?

В лазарет зашли трое мужчин. В форме военных, без стука, как будто на то имели право. Я лежала наискосок от входа и краем глаза видела их силуэты.

Медбрат тихо ответил спрашиваемому и кивком головы указал в мою сторону, продолжив манипуляцию с другим больным. Я подобралась, натягивая простыню выше и, огля-

дев себя, все ли прикрыто, медленно выдохнула. Боль в ране притихла, но все еще была ощутимая и резкие движения доставляли дискомфорт.

Мужчина, судя по кителю с нашивками и погонами, относился к офицерскому чину, промаршировал до моей кровати и задержался в изножье. Зорко впился взглядом в лицо, будто пытаюсь прочесть мои мысли. Следом прошли те двое, что нашли меня, и остановились позади, с любопытством поглядывая в мою сторону и ожидая указаний начальства.

- Пришли в себя, сударыня? – пробасил мужчина, при этом усы его, длинные и закрученные кверху, дёрнулись, и я едва сдержала смешок: настолько он мне показался комичным и не вязался с требовательным тоном и званием.

Хорош актер! Но мне не знаком.

- Спасибо. Мне значительно лучше, - смущенно улыбнулась.

Под пристальным взглядом троих мужчин, распластанная и раненая, чувствовала себя неудобно. Нервным жестом пригладила волосы, комкая белый хлопок покрывала. Даже на смертном одре женщина волнуется о том, как она выглядит в глазах других.

- Ваше имя? – потребовал.

- Ксения... Чехова.

- Вы как попали под пули, Аксинья? – опираясь о железную спинку, наклонился ко мне. – От кого убегали? Прятались?

Мне послышалось ехидство в его тоне, недоверие и легкая агрессия. Что я ему сделала, что он с порога нападает на незнакомку? Помешала отснять сцену?

- Я не пряталась. Я была с подругами в скальных пещерах Чуфут-Кале, - медленно заговорила. – И прочла надпись на стене. Попыталась разобрать, что она означает..., - смолкла, размышляя, стоит ли упоминать Романа и нашу ссору накануне. Решила умолчать. – А потом мы прошли дальше в тоннель, я споткнулась и провалилась в подвал. А вышла, то есть выбежала, уже на лугу.

Двое, что сопровождали офицера, откровенно рассмеялись.

- Цыц, - обернулся и гаркнул на них главный, подняв ладонь вверх, и мне показалось, готов был отвесить им оплеуху. Они тут же смолкли и потупили взор. – Ты была в городе призраков? – спросил с удивлением офицер, оглядев меня с головы до ног, будто убеждаясь из плоти ли я сама или одна из мертвых душ в облике воскресшей.

- Ну да..., была. Ведь это не запрещено. Да и не так страшно, как говорят, - ответила по слогам, сомневаясь в адекватности актера.

Мужчина так хорошо играл роль допрашиваемого и одежда его, осанка и внешний вид были идеально подобраны под роль кавалергарда позапрошлого века.

- Что ты там искала? И где твой дом?

Он что: тупой?

- Думаете, я нарочно решила испортить вам съёмку? – разозлилась. – Это Вы стреляли настоящими пулями и ранили меня! – зло посмотрела на того, кого звали Аверьяном, и мужчина, устыдившись поступка, отвел взгляд. – А теперь хотите списать вину на меня, что я не в то время и не в том месте оказалась?

- Я бы на Вашем месте, барышня, сбавил тон, - сурово произнес мужчина и ноздри его раздулись, выдавая недовольство. – А то не посмотрю, что ты раненная, и допрошу по всему военному уставу!

Я невольно вздрогнула от серьёзности и холодности его взгляда, коим наделил меня офицер. Как-то стало не до ехидных подшучиваний.

Может я попала в секту? Хотя на первый взгляд мне показались мужчины адекватные, просто ведут себя странно. Заметив мою покорность, мужчина расслабился и сделал несколько шагов вперед, приблизился к окну. Не глядя на меня, тихо спросил:

- От жениха сбежала или мужа?

- Что?! - невольно вырвалось, и я посмотрела на профиль военного. – Да не от кого я не сбежала! Вы в своем уме?

Я задохнулась от злости! Актер издевается, если думает, что я вживусь в сценарий и сыграю задуманную им роль на отлично.

- Ай, - вскрикнула, когда неожиданно его жесткие пальцы впились в мой подбородок, подтягивая голову вверх. Наши

взгляды встретились и то, что я увидела в глубине его глаз, меня заставили сжаться мои внутренности.

- Я сказал уже, чтобы тише вела себя, - металлическим тоном бросил в лицо. – Или отвечай сама, или подвергнешься пыткам! Поняла? – рыкнул и отбросил мою голову, намеренно причиняя боль и внушая страх.

- Разрешите обратиться, господин капитан? – подскочил к нему мой стрелок и тот обернулся.

- Ну?

- Дайте девушке время подлечить рану. Я с неё глаз не спущу. А потом мы её допросим.

- Что, на жалость давит?

Сташевский украдкой взглянул на меня и снова посмотрел в лицо начальнику.

- Никак нет, Пётр Андреевич, не давит. Но раненная – женщина, а я приучен уважать дам.

Пётр Андреевич скривился, послав мне снисходительный взгляд.

- Поручик Сташевский, отвечаете за девку головой!

- Есть отвечать, капитан!

Тот, кого звали Аверьяном, проводил капитана до двери и вернулся. А второй, Ярополк, неотрывно на меня смотрел. Мужчины не вызывали страха, а вот сама трагичность ситуации - да. Кто эти люди? И куда я попала, если не на съёмочную площадку?

- Ну, - обратился Сташевский. - Расскажи нам, дева, что

ты делала в мертвом городе? – и, положив локти на спинку кровати, наклонился и вперил взгляд. – Или военная тайна?

- Смотри, барышня, - вступил в разговор второй. - Наш капитан - жесткий мужик. Он миндальничать не станет. Запытает. Перед ним любой человек бесполой. Лучше сразу скажи правду.

Не сводя с меня глаз, подцепил грубо сколоченный табурет и сел на него, уравнивая наши взгляды.

- Аверьян, - произнёс Ярополк. - Ты погутаешь с барышней, а я до казармы отлучусь. Караульных надо проверить, - и удалился, оставив нас наедине.

Ну как наедине, не совсем. Рядом дышали и прислушивались к нашей беседе раненные, кто не спал. Несколько раз слышался стон бредившего больного, создавая натуралистическую картину вокруг. Я поёжилась, представив, что реально попала в прошлое и этот жест не укрылся от мужчины.

- Боишься меня или замёрзла? – дёрнул подбородком.

- Все понемногу, если честно.

- Говор у тебя странный. Откуда ты? – прищурил взгляд.

- Местная, - призналась и, чуть заикаясь добавила: - С Инкермана.

Мужчина, сделав вид, что поверил, кивнул.

- Как рана? – устремил взгляд на плечо и вскинул руку, но тут же спохватился и вернул к себе на бедро.

- Побаливает. Но врач сказал, пуля срикошетила и что я везучая.

- Прости еще раз. Ненамеренно попал.

- Прощаю.

Мужчина поднялся и, немного подумав, сказал:

- Отдыхай. Завтра увидимся.

Развернулся и пошёл прочь.

- А Вы будете меня караулить? – крикнула ему в спину, заставив остановиться и обернуться.

- Да. Приказ капитана. Спокойной ночи, Аксинья.

Тут послышался голос второго кавалергарда, вошедшего в лазарет.

- Ну, что, узнал, что-нибудь у девчонки?

- Нет, Яр, только то, что она местная.

- Жаль. Кстати, Аверьян, в казарме шепчутся, что ты как в народной сказке – подстрелил лягушку, а она враз девицей обернулась и теперь ты должен на ней жениться, - рассмеялся Ярополк.

- А ты и рад потешиться надо мной, Яр. Если у нее начнется жар, я себя изведу..., - голос стал тише, а потом и совсем замолк, когда мужчины покинули помещение.

Я наконец откинулась на подушку и прикрыла глаза. Сонливость и отчаяние навалились разом.

Глава 8. Ночная ваза.

Ночь прошла беспокойно. Непривычная обстановка и ноющая боль в плече, тугая повязка – не располагали ко сну.

Я лежала на другом боку или спине. Мужчины тоже ворочались и тихо стонали. И я в который раз удивилась: зачем они себя так ведут или почему? Но сил подняться и подойти ближе, спросить у лежащих не было. Тело все еще было слабое. Немного гудела голова и мучила жажда. А еще насекомые: комары, мухи и муравьи. Неужели у съёмочной группы нет реппелентов с собой?

Едва забрезжил рассвет, я села в постели. Натуральные позывы требовали высвобождения, а я так и не спросила, где у них расположен туалет. Терпела всю ночь. На полу, у кроватей мужчин, я видела ночные вазы. Горшки! Кошмар! Неужели они и правда ходят в них? И меня не разочаровал один из больных. Мужчина, что накануне пялился на меня, тоже проснулся и, свесив руку, подхватил ночную вазу, проскрипев днищем по деревянному настилу. Я заворуженно уставилась на него: неужели прямо тут сходит в горшок? И да, мужик откинул байковое одеяло и, достав свой мужской причиндал, помочился в вазу, оглашая стыдливым журчанием маленькое помещение.

Глаза мои полезли на лоб. Так и хотелось ему сказать: ты вообще конченный, ссышь в него! Сходи в туалет, не изображая тяжело раннего и не ходячего!

Прогредев крышкой, мужчина вернул его на место и с шумом задвинул под кровать. А я застыла, шокированная его поведением. Значит, не для антуража, а реального использования горшки стоят.

Я же не собиралась сикать на глазах у десятка мужчин. Мне хватило и вчера в свидетели поручика. Нужно было срочно выбраться из лазарета и отыскать, как они выразились, нужник.

Я огляделась в поисках чем бы прикрыться. Китель поручик забрал с собой, а в тонком сарафане я замерзну, пока отыщу их ватерклозет. На спинке пустующей кровати я обнаружила толстый, стеганный халат. Закутавшись в него и надев кеды, я тихонько двинулась вдоль ряда к выходу, стараясь бесшумно ступать и не смотреть по сторонам, хотя боковым зрением чувствовала пару глаз, меня провожающих.

Скрипнув дверью, вышла наружу и остановилась на крыльце. Огляделась. Природа затевала рассвет. Ночная дымка сизого тумана рассеивалась, уплывая в горы. Воздух, наполненный запахом догорающих костров, диких трав и росы, бодрил, и я поёжилась от прохлады, покусывающей мои голые икры, радуясь, что надела халат. Кони, загнанные в стойло неподалеку, то и дело оглашали пространство похрюпыванием и ржанием, предвкушая утренний выпас.

И куда мне идти? Где он их туалет?

- Барышня чего-то ищет? – спросил кто-то и я от испуга вскрикнула и схватилась за горло.

- Ты контуженный? Напугал меня! – набросилась с обвинениями на приближающегося парня в форме с ружьем на плече. – Туалет я ищу! Ясно тебе? Где чёрт поberi у вас душевая комната?!

Парень обалдел от моей нападки, а мне вот вообще стало не смешно.

- Э... Так ночной горшок же есть у Вас, - промямлил и, смутившись, отвел взгляд в сторону. – Не обязательно на улице нужду справлять.

- Давай я сама решу где мне ее справлять!

Я спешно продела руки в рукава халата и, подвязав его поясом, спустилась по ступеням на землю. С вызовом посмотрела на солдата, решительно отстаивая свой интерес.

- Я Вас провожу, - откашлялся и, махнув рукой, повел в сторону соседнего строения.

В полумраке я едва могла различить тропинку, семена за караульным, и когда он привел меня в тот самый отхожий угол, я все же не сдержала возгласа удивления.

- И это... ваш..., ваш...

- Нужник, - подсказал парень и нервным жестом поправил фуражку. – Для офицерского чина есть другой, а мы, солдаты его Величества, тут справляем.

Солдат его Величества!? Чуть не заржала от его высокопарности, но побоялась, что надую прям в трусы. Спорить и возражать, как мне не нравится всё их обустройство, не осмелилась и даже пожалела, что не пожурчала в ночную вазу, как тот мужик.

Прямоугольное, грубо сколоченное строение с тремя скрипучими дверцами на выбор, со специфическими запахами – вот он их нужник. Однозначно в поле сходить было

комфортнее, даже если при этом мой зад щекотали дикие травы. А я, наивная, себе нафантазировала белый фаянс в поле и водопровод.

Послав недовольный и предупреждающий взгляд сопровождающему, решительно зашла в отхожее место. Было темно и страшно и я, идя на поводу природных инстинктов, быстро завершив свои дела, буквально выскочила наружу.

Парня не увидела, зато слышала мужские голоса за углом. Притаилась за кустом, прислушиваясь. Мужчины курили и огоньки от папирос мелькали возле их лиц, словно горящие мотыльки.

- Как думаете, поручик, а девица свободная или крепостная?

- А тебе что с того, Лёнька? Даже если ничейная, то тебе точно не достанется, - деловито изрек его собеседник и затянулся. – Ну сбежала из дома или мужа – найдут ведь ее и обратно вернут.

- А Вы что?

- А что я? Я извинился. Если она из барских, штраф выплачу. Если крепостная, вернем хозяину.

Я узнала во втором собеседнике Сташевского и мне показалось сожаление в его словах, будто он имел какие-то виды на подстреленную добычу в виде меня. Сердце мое невольно пустилось вскачь. Слушая их диалог, с ужасом обнаружила, что они реально считают меня сбежавшей из родительского дома. Все окружающие вели себя весьма странно и никто не

желал меня понимать или чего-либо объяснять.

Решив, что прятаться нет смысла, выбралась из тени дерева и окрикнула мужчин:

- Эй, а где мне можно руки вымыть? Умывальник есть?

Сташевский стоял ко мне спиной и, услышав мой окрик, резко обернулся. Затушив окурок о ладонь, посмотрел осуждающе.

- Что это Вы бродите по ночам, Аксинья? – грубовато спросил поручик и сделал ко мне два шага. Остановился и пристально посмотрел в мои глаза.

Я оторопела от его претензий. Но, решив, что он насмехается, расправила плечи и дерзко заявила:

- Гуляю! Нельзя? Или я под арестом? Пленная, да?

Сташевский крикнул от неожиданности и, наклонившись ко мне ближе, тихо сказал:

- Можно сказать и так. Капитан еще не решил, что с тобой делать. После завтрака велел тебя привезти к нему на допрос. А до этого глаз не спускать.

Я прочла в его взгляде решимость и недоверие и невольно вздрогнула. Неужели я что-то натворила такое, за что меня могут привлечь к суду?

- Хочу напомнить Вам, поручик, - постаралась придать уверенность голосу, - что это не я кого-то подстрелила и вины за собой не вижу.

Сташевский раздул ноздри и с шумом выпустил воздух, едва не выругавшись, и так посмотрел на меня, что мне сде-

лалось стыдно, что я снова напоминаю ему о промахе.

- Идёмте, Акси́нья, я Вас провожу до лазарета, - и подал руку.

- Умывальник! – напомнила и резко отстранилась, не позволяя себя схватить. – Руки грязные, - улыбнулась, извиняясь.

- А, да. Иди за мной.

И он пошел в ту сторону, где располагалась столовая, если можно ее так назвать. Я мельком взглянула на конвойного, молчаливо спрашивая, что мне делать, в ответ получила кивок головой в сторону поручика и кривую усмешку. Однозначно, что Аверьян был главнее и этот парень пребывал в его подчинении.

Я, подхватив тяжелые полы теплого халата, припустила за поручиком, который маршировал так, будто шел в строю: четко, размашисто, с прямостоячей головой, уверенный, что я иду следом.

- Вы не могли бы идти чуть медленнее? В темноте и неизвестной местности я еще и ногу могу подвернуть! – не удержалась, чтобы не поддеть его.

- Какая же ты язва! – он резко остановился и я буквально врезалась в спину поручика, успев вскинуть руку, уперлась ладонью в плечо. – Руку дай, - развернувшись, он схватил меня за запястье и повел за собой.

- Я просто прошу быть учтивее. Ай, - дернулась, когда ощутила боль в раненом плече.

- Что? – он резко остановился и спросил с волнением. – Плечо болит?

- Ну так, немного дает о себе знать.

- Обязательно Растегаеву покажи.

- Конечно, покажу!

На краткий миг я растерялась от его близости. Снова. В который раз ощутив тремор в конечностях. Жар на щеках от пристального взгляда голубых глаз, которые даже в темноте сияли словно горячие звезды в ночи.

Сташевский провел легонько большим пальцем по выступающей венке на запястье и, тяжело вздохнув, отвернулся. Видно и ему становилось неловко в моем присутствии, а может неустойчивое чувство вины за ранение стыдило, всякий раз напоминая о промахе.

На заднем дворе столовой располагался колодец, откуда поручик зачерпнул воду деревянным ведром и отнес к столу. Длинный стол-стеллаж, заставленный с одного края разной кухонной утварью: ведра, тазы, черпаки и кастрюли. И я поняла, что тут они моют посуду. Керосиновые лампы, огарки свечей стояли на краю. В жестяной банке - зола и пепел, белый порошок в другой, похожий на песок с глиной. Все как в прошлом веке и я, в который раз, поразились натуральности экспонатов для съёмок.

- Вода холодная. Горячая будет только через час, когда Степан растопит печь.

- Ничего страшного. Лето же, не замерзну.

Я зачерпнула деревянным ковшом воды из ведра и полила на руки. Потом неловко умылась. Вода из колодца бодрила, пахла приятно, и я даже сделала несколько глотков из чаши ладони, поняв, как жажда мучает меня. Пока я совершала утренний моцион, Сташевский, стоя неподалеку и, покуривая, неотрывно все это время смотрел на меня. Изучающе, пытливо, будто на диковинное существо, постоянно смущая. А потом, неожиданно заявил:

- Ты очень красивая, Аксинья..., - произнес хриплым голосом. – Мысли загонял, гадая откуда ты в поле взялась...

Я хмыкнула, не поднимая головы. Откуда вот вы взялись там, где быть не должны? Кто тот таинственный незнакомец с зелеными глазами в пещере? И как я, упав со скалы, не расшиблась – вот что меня мучило. И следом мысль: как сбежать из лагеря и добраться до Чуфут-Кале? Потому что просто так отпускать меня, кажется, никто не собирался.

Глава 9. Лагерь

В лазарет я не вернулась, окончательно проснувшись. Солнце почти встало над холмами и лагерь зажужжал, зажил повседневной жизнью. Конюхи потянули лошадей из стойла к реке. Из кухни на крыльцо вышел лопоухий паренек с ведрами и помчался за конями, крича невнятные слова.

Я сидела на скамье под навесом и наблюдала за людьми, и чем больше смотрела, тем тревожнее мне становилось на

душе. Поведение актеров настораживало, а их удерживаемая роль поражала. Моментами мне казалось: я схожу с ума, потому что начинала думать, что я попала в прошлое. Или крепко сплю. Проснусь вот, позвоню подруге и тогда посмеюсь с Варькой над моим кратковременным безумием.

Хотелось искупаться и выстирать сарафан, который был испачкан не только кровью и пылью, но и потом. Конским, моим, мужским...

- А где Вы купаетесь, господин Сташевский? – окрикнула своего надсмотрщика. – Или прачечная у вас есть?

Он стоял неподалеку и чистил лошади копыта. Или подбивал подкову – я не очень разбиралась в уходе за лошадьми.

Сташевский опустил ногу коню и, обернувшись, недоуменно посмотрел. Может не расслышал? Я вышла из-под навеса и подошла ближе.

- Хотелось бы помыться и постирать одежду, - демонстративно распахнула полы халата и показала ему запачканный сарафан. – Если, конечно, это возможно...

Сташевский залип на демонстрации моих голых ног и, кашлянув, отвел взгляд в сторону.

- Баню топим единожды в неделю. Но для больных в лазарет сестры носят горячую воду с кухни. Спроси у Степаниды или Авдотьи Никитичны, - посмотрел на меня вновь.

Я покивала головой и вернулась на скамью. Все больше людей заполняло пространство двора и я невольно оказалась в центре внимания. Кто-то из мужчин кивал головой,

приветствуя меня поутру и разглядывая с любопытством, но большинству не было до моей персоны дела. Я все думала о том, что надо бы дождаться завтрака и, забрав рюкзачок, потихому свалить от съемочной группы.

Ярополк, увидев меня, заулыбался и, отбившись от толпы других кавалергардов, направился в мою сторону.

- Доброго утречка, красавица! Уже бодрствуете, Аксинья?

- Спасибо и Вам! Да, встречаю рассвет, как видите.

Мужчина подошел к чану с водой и, зачерпнув ладонями, умылся, фыркая и трясая головой. Вытерев капли влаги со лба тыльной стороной ладони, сел на край скамьи и медленно осмотрел меня.

- Как Вам спалось, царевна-лягушка? – спросил Ярополк и глаза его засветились лукавыми искорками.

- Яр, перестань приставать к девице, - рявкнул на него Сташевский, усаживаясь рядом, и меня охватило раздражение: кто он такой, чтобы командовать?

- Лягушкой никогда не была. А уж царевной и подавно, - ответила с улыбкой и плотнее свела полы халата. Под их взглядами стало неловко. – Но в целом терпимо. Надеюсь, сегодня отправиться домой.

Мужчины вопросительно переглянулись и мне показалось в их взглядах немое обсуждение моей персоны.

- Значит, ты не из знатных фамилий? - после паузы спросил Сташевский.

- Ну, не знаю. Если считать Антона Павловича Чехова мо-

им дальним родственником, то вполне и знаменитая, - хотнула.

Но, видя их недоуменные лица, сникла. Видимо, мою шутку парни не оценили. А про Чехова как будто совсем не слышали, что само по себе странно.

К нам подходили другие военные, делились сигаретами, новостями, чистили своих лошадей. Двое принялись колоть дрова и носить внутрь деревянной постройки. А я все больше недоумевала происходящему, а вопросы задавать не решалась, боясь показаться глупой.

На крыльцо внутреннего двора вышла тучная женщина в красном платке, завязанным узлом на затылке, в черном платье и переднике не первой свежести и, треснув о днище котелка половником, огласила:

- Солдатушки, поторопитесь принести мне воды и дрова, а то голодными останетесь. Лёнька, - окрикнула ночного караульного, - а ты марш в огород лука надери и ботвы свекольной. Твоя очередь.

Лёнька возмутился, но его сослуживец, выхватив ружье, подтолкнул друга вперед, поторапливая.

- Это наша Степанида. Уже тумачи спозаранку раздаёт.

- То-то Степа ее на сене в сарае спит, в обнимку с бутылкой бражки, - и мужчины рассмеялись.

Я решила сходить в лазарет и собрать свои вещи, пока готовится завтрак. Мужчины были заняты разговорами, а я тихонько просочилась и ушла. Мне не показалось: Сташевский

только делал вид, что не смотрит за мной, а стоило отойти, как я ощутила на спине взгляд его пронзительно синих глаз. Невольно обернулась и точно – смотрит прямо на меня, при этом слушает собеседника.

Я быстрым шагом дошла до крыльца больницы и, едва дернув на себя дверь, чуть не упала, столкнувшись с медсестрой Расстегаева - Авдотьей.

- Ой, милая, а я тебя ищу. Зашла в комнату, а хворые говорят, нет тебя. Ушла на двор и с концами.

- Простите, что напрягаю Вас.

Я кратко пояснила причину своего исчезновения. Женщина спросила, как я себя чувствую и не болит ли плечо, пригласив после завтрака показать рану доктору.

- А вы где кушаете? – спросила медсестру. – А то мне неудобно среди мужчин находиться.

- Иван Иванович у себя в комнате ест. А я и другие сестры в коморке. Приносим с кухни еду больным и себе заодно.

Значит, больные и правда существуют. Но я не хотела вдаваться в подробности, как ими становятся, а, покивав, обошла женщину и направилась к месту своего ночлега.

Некоторые мужчины уже проснулись и переговаривались. Один из них поднялся с кровати и, держась за металлическую спинку, пытался доковылять до окна. И когда я дошла до середины комнаты, меня заметили проснувшиеся и уставились.

- Доброе утро, - улыбнулась им. – Я вернулась за своими

вещами, - и, стараясь не привлекать внимания, быстро добралась до своей кровати.

- Кто она такая, Елизар? – послышался голос одного из мужчин за моей спиной. – Новая медсестра? И почему с нами ее поселили? - недоумевал собеседник некого Елизара.

- А Бог её знает, Тимоша. Поговаривают, что с охоты поручик Сташевский трофей добыл, - каркающим голосом рассмеялся говоривший.

Я усмехнулась их любопытству. Забрала рюкзачок, заправила постель и, немного подумав, стоит ли снимать позаимствованный больничный халат, все же стянула с плеч и вернула на спинку кровати.

- Выздоровливайте и прощайте, - пожелала мужчинам напоследок и пошла к выходу.

- Эй, дева, постой, - крикнул мне в след тот, что курил у раскрытого окна, и я обернулась. - Мы не успели познакомиться..., – мужчина переступил с ноги на ногу и поморщился от боли.

Я растеряннo оглядела их лица, не желая делиться мыслями и тут на пороге комнаты появился поручик.

- Аксинья, Вы куда запропастились? – брови его были сурово сведены, в глазах укор.

- Рюкзак забирала. И больные ваши меня отвлекли, - добавила с ехидством.

Он оглядел мой внешний вид и сделался еще больше недовольным. Придержал передо мной дверь и мы вышли за по-

рог.

Сташевский шёл рука об руку, то и дело поглядывая на мой профиль. В конечном итоге я не выдержала и заинтересовалась:

- Я как-то странно выгляжу? Почему с меня глаз не сводите?

- На тебя приятно смотреть, - и губы его дрогнули в улыбке. - Ты так и не сказала, как попала на охотничьи угодья. Кто твой батюшка, Аксинья?

Видимо его раздирал интерес ко мне лично, в частности мое генеалогическое древо.

- Обычные отец и мать. Среднестатистическая семья. Я студентка медицинского вуза. И перестаньте меня называть этим именем, - остановилась и посмотрела на поручика. - Я Ксюша вообще-то.

- А мне так больше нравится.

- Ладно, фик с тобой, - пробурчала под нос и отвернулась. - Не скажите, что за фильм снимаете? Или это секрет? Я никому не скажу, - разглядывая натуралистические декорации военного лагеря.

В ответ Сташевский вопросительно поднял брови и повертел головой. Ну и кто из нас ушибся?

Остаток пути мы прошли в молчании. Мужчины уже сгрудились на краю стола в ожидании порции завтрака. На этот раз руководила кормлением военных громогласная Степанида, черпая большим половником из высокого котелка гу-

стую, желтую массу.

Сташевский подхватил две плошки и двинулся к поварихе, расталкивая локтями остальных. Мне эта толчея напоминала очередь на перемене в нашу столовку в вузе. Что взрослые мужики, что студенты вели себя одинаково: шумно, суетливо, препираясь друг с другом и подшучивая над раздатчицей.

Я присела у края стола, ожидая возвращение поручика. Живот в предвкушении пищи заурчал и, если бы не голод и длинная дорога до пещеры, я бы не осталась завтракать.

- Пшенка сегодня, - оповестил Аверьян, ставя передо мной тарелку с кашей. – И маслица не пожалела Степанида. М-м-м, - он не сдержался и облизал ложку.

Кашка у поварихи и правда удалась, хотя и пшено плохо шлифованное, с шелухой. А на открытом воздухе вкус её был каким-то особенным. Мужчины погрузились в поглощение пищи и лишь скобление по тарелкам, да стрекот сорок нарушали атмосферу за столом. Закончив завтрак, я пошла вымыть посуду к колодцу и, поставив её в горку с другой, вернулась за рюкзачком.

- Ну, мне пора уходить, - посмотрела на Сташевского, отвлекая от разговора с Ярополком и незнакомым мне пожилым мужчиной. – Спасибо за приют, господа актеры-офицеры, - улыбнулась. – Но как говорится пора и честь знать.

- Куда это ты собралась? – Сташевский вскочил со скамьи и уставился на меня.

- Одна собрались, барышня? – округлив глаза, спросил Ярополк.

- Э, ну как куда, домой. Пешочком прогуляюсь до ближайшей трассы, а там транспорт поймаю. К вечеру буду в Симферополе.

Ярополк и Аверьян взволнованно переглянулись и поручик, вспомнив о моем ранении, спросил:

- Разве ты не покажешь рану доктору? – выразительно взглянул на руку.

- Да все нормально, - положила ладонь на плечо и слегка потерла. - Домой вернусь и сразу в поликлинику обращусь. Спасибо еще раз за приглашение к завтраку, ночлег, но думаю я и так вам сорвала постановку.

И только я развернулась по направлению к выходу из лагеря, как чужая рука схватила меня за локоть и остановила.

- Не получится, Аксинья, - сурово произнес поручик. – Вы задержаны для допроса.

- Что?! – я невольно вспыхнула и выразительно взглянула на сжатые пальцы поручика, удерживающие меня за здоровую руку. – Какого еще допроса?

Мне не понравился его сузившийся взгляд и настойчивая властная хватка.

- Идемте в штаб.

Глава 10. Шпионка?

- Что? Куда Вы меня ведёте? – попыталась сопротивляться.

- Капитан Маслов велел Вас привезти к нему, - затормозил на миг, но вновь потянул за собой.

О! Еще мне не хватало снова увидеться с этим подозрительным и напыщенным мудаком.

- А можно узнать: зачем меня будут допрашивать? По поводу ранения Вами?

- Сейчас сама узнаешь. Но лучше говорить правду. Петр Андреевич не любит, когда юлят. В подвале запросто закрыть может.

В подвал?! За что? Меня распирало спросить, но язык не повернулся. Может я сплю и снова снится бред? Все от того, что я Роме помогала с рефератом по русско-крымской войне, вот и разыгралось воображение!

- Но позвонить я хотя бы могу? – раздражённо топнула ногой. – Дайте мне телефон! Я имею право на звонок близкому человеку.

- Никак нельзя, Аксинья, - и лицо его приобрело непроницаемую маску.

- Это ещё почему?!

- Здесь нет телеграфа. Село глухое, фонари и те не зажигают, - продолжал говорить поручик, ведя меня под руку к отдельно стоящему зданию в два этажа.

Плечо заныло от напряжения, но я, сцепив зубы, молча терпела боль. Утешая себя тем, что мы сейчас разберемся с

недоразумением, надо мной повеселится съёмочная группа и поздравит меня с актерским дебютом.

Но спустя время я круто обломалась.

Мы прошли мимо часового с винтовкой на плече, которому Сташевский лишь кивнул, и завел меня внутрь здания. В помещении сновали мужчины в форме, лица некоторых я видела на охоте и за столом, а незнакомые вопросительно смотрели на меня и поручика. Мы поднялись по деревянной скрипучей лестнице на второй этаж и, пройдя по узкому сумрачному коридору, подошли к двери того самого начальника.

Сташевский для приличия постучал в дверное полотно и, тут же открыв дверь, отошел в сторону, пропуская меня вперёд.

В глаза бросилась скудная обстановка рабочего кабинета: два стола, за одним из которых сидел хмурый капитан, и ряды деревянных стульев по обеим сторонам, низкий двухстворчатый шкаф в углу. Бегло оглядев помещение, я посмотрела на начальника.

- Здравствуйте, - поздоровалась первая и остановилась на входе, от чего-то чувствуя себя неуютно. – Вы хотели меня видеть?

- Вызывал, - поправил меня мужчина и указал взмахом руки на ближайший к нему стул. – Проходите сударыня.

- Пётр Андреевич, позвольте остаться? – подал из-за спины голос Сташевский.

- Разрешаю, Аверьян Андреевич, - и выразительно посмотрел на меня.

Мне не осталось выбора как пройти и занять стул. Поручик же, сложив руки за спиной, остался на входе. Боится, что я дам дёру, а он тут как тут, меня перехватит? Улыбнулась мыслям, но, заметив с каким пристальным вниманием рассматривает меня Пётр Андреевич, нахмурилась в ответ.

- Итак, сударыня Аксинья Чехова, откуда Вы? Как попали в охотничью долину и с какой целью прыгнули под копыта коней?

Мужчина, сложив пальцы домиком, подался ко мне и пытливо посмотрел в глаза. Глазки-бусины и практически лысая голова, багровое лицо напомнили мне вареного рака. А тонкие усики, нервно подрагивающие при каждом движении, завершали образ ракообразного.

Я спрятала улыбку, опасаясь не к месту рассмеяться и повторила ему то, что сообщила накануне при первой встрече. И чем больше я говорила, тем более скептическим становился его взгляд. Сташевский откашлялся и прошелся по комнате, напоминая о себе.

- А мне думается другое, сударыня.

- И что же? – я завелась и начала дерзить.

- Что Вы сбежали из отчего дома со своим кавалером или сообщником, вероятно иностранным шпионом, подосланным вражескими государствами. И у меня есть основания Вас задержать до выяснения личности. А вздумаете сбе-

жать – бросим в темницу. Что-то вы явно не договариваете, сударыня!

Что?! Я – сообщница шпиона? Да мужик спятил! Отыгрывает роль на мне? Как же меня уже раздражала вся эта игра актеров и быт царского века!

- Вы... хотите сказать, что я пособница шпионажа? Вы серьёзно? – подалась к нему, не веря в услышанное.

- Приказ его величества царя выявлять подозрительных личностей. Я не верю не единому сказанному Вами слову. Если Вы сбежали из родительского дома – поясните причину, - продолжал делать все более нелепые выводы Маслов. - Если из беглых крепостных, то мы должны разослать письма градоначальникам ближайших губерний о нахождении на территории лагеря крестьянки, тут он выразительно посмотрел на мои плечи, руки. - Хотя по твоему виду не скажешь, скорее барская дочка: белые, нежные ручки, необветренная кожа лица..., - с этими словами капитан перегнулся через стол, наклонился ко мне и дотронулся пальцем до моей щеки, от чего я невольно вздрогнула и резко отстранилась.

Поручик уселся напротив и косился на меня не менее подозрительным взглядом. А я подняла взгляд и вперилась в изображение на портрете над его головой: образ царя Николая I. Я встряхнула головой, посчитав, что от волнения воображение играет злую шутку. Ведь вместо лица одного из представителей дома Романовых должен быть изображён действующий президент России, но контурные карты, разве-

шенные по стенам вместо картин – старые, выцветшие с пометками из красных флажков и сдвинутыми границами доказывали обратное. За грудиной ёкнуло, в горле образовался ком и я не могла произнести ни слова в свою защиту – открывала и закрывала рот, словно выловленная из воды рыба.

- У Вас есть с собой метрика, Ксения Чехова? – продолжал допрос капитан, при этом он явно не верил, что меня зовут именно так.

Метрика? Он имеет в виду паспорт? Я повертела головой в стороны. Я не брала его, когда отправляюсь на пикник.

- Значит, документов при себе не имеете, - Маслов вернулся в исходное положение и переглянулся с поручиком.

Я медленно повернула голову и посмотрела на Сташевского, который поднялся со стула, напряженно ожидая дальнейших указаний начальства.

- Именем государя Николая Павловича приказываю Вам оставаться в лагере под надзором поручика Аверьяна Андреевича, - произнёс капитан Маслов и сердце моё пропустило удар.

Как это остаться в лагере?! На сколько? Должно быть удивление отразилось на моем лице и оба мужчины замерли, ожидая немедленную реакцию.

- Простите, а который сейчас год? – неожиданно для всех спросила, неотрывно глядя на давно покойного царя.

Мужчины недоуменно переглянулись. Поручик откашлялся и пожал плечами на невысказанный вопрос капитана.

- Июнь 1854 года от Рождества Христова, - с расстановкой ответил Маслов.

- Вы хотите сказать, что сейчас не двадцать первый век? Вы же шутите? Прошу Вас, скажите что это неправда! – взвизгнула и смолкла, таращась на лица мужчин, которые стали резко размываться, превращаясь в тощие фигуры-точки.

- Кажется, барышня сейчас в обморок хлопнется, Аверьян..., - донёсся тревожный голос мужчины.

Вероятная реальность накатила удушающей волной и я стала задыхаться. На миг представила, что я и правда провалилась во временной тоннель и попала в далекое прошлое. Схватившись за край стола, пыталась удержать равновесие, но пальцы не слушались, мебель скользила, и я повалилась со стула на пол. Вскрикнула, больно ударившись плечом, и спасительная тьма накрыла густым покрывалом разум.

- Держите ее голову, Аверьян, - доносилось откуда-то из глубины.

- У ней приступ падучей болезни, - ответил взволнованно другой. - Смотрите, чтобы язык не запал.

- Да нет, не бьется вроде. Ровно дышит.

- Глянь: глаза закатила. Плесни на неё воды.

Я чувствовала человеческое тепло, грубую ткань под щекой и мужские голоса продолжали переговариваться в моей голове, возились рядом, трогали меня, поднимали на руки

и куда-то несли, а я боялась открыть глаза и увидеть новый для себя мир, мир прошлого, который давно канул в историю там, где я жила и который реально существовал для моего тела.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.